О. Козельскій

ЗАПИСКИ
БАТАРЕЙНАГО КОМАНДИРА

СОСТАВЛЕНЫ ПО ПИСЬМАМЪ, ЗАМѢТКАМЪ
И РАЗСКАЗАМЪ УЧАСТНИКА ВОЙНЫ

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

ПЕТРОГРАДЪ
БИБЛІОТЕКА «ВЕЧЕРНЯГО ВРЕМЕНИ»
ИЗДАНІЕ Б. А. СУВОРИНА
1915

оф. новг-
37.74.5.118, 1-2

37.74.5.118-12 37.74.5.118-12

О. Козельскій.

ЗАПИСКИ БАТАРЕЙНАГО КОМАНДИРА

СОСТАВЛЕНЫ ПО ПИСЬМАМЪ, ЗАМѢТКАМЪ И РАЗСКАЗАМЪ УЧАСТНИКА ВОЙНЫ

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

ПЕТРОГРАДЪ
БИБЛІОТЕКА «ВЕЧЕРНЯГО ВРЕМЕНИ»
ИЗДАНІЕ Б. А. СУВОРИНА
1915

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде

Тип. Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время". Эртелевъ, 13

22-го августа.

Въ ночь на сегодня пришли въ Вильну. Здѣсь узнали, безконечно осчастливившую всѣхъ насъ, радостную вѣсть Великаго Князя Верховнаго Главнокомандующаго Государю Императору о пораженіи милліонной австрійской арміи, вошедшей въ Люблинскую и Холмскую губерніи и въ Галиціи; австрійцы отступаютъ въ полномъ безпорядкѣ, бросая легкія и тяжелыя орудія, артиллерійскіе парки и обозы. Наши трофеи огромны.

Повидимому, въ Вильнѣ простоимъ долго. Утромъ насъ нагналъ и уже ушелъ дальше 1-й полкъ нашей стрѣлковой бригады. Утромъ же видѣлъ первую партію плѣнныхъ германцевъ, привезенныхъ изъ Восточной Пруссіи. Тамъ ихъ захватили казаки. Смотрятъ нелюдимо и враждебно; тѣмъ досаднѣе видѣть, какъ якшаются съ ними мѣстные жители; угощаютъ папиросами, булками, даютъ деньги... Какъ-то обращаются съ нашими плѣнными нѣмцы у себя?

Привезли германцевъ цѣлый поѣздъ, въ двадцать съ лишнимъ вагоновъ. Большинство ландвериcты, среди нихъ много поляковъ. Забавно было, между прочимъ, наблюдать сценку, когда они обмѣнивали желающимъ нѣмецкія марки на наши деньги. Переводчикомъ былъ находившійся среди плѣнныхъ германскій еврей. Три марки шли за одинъ рубль; гер-

манцы не торговались. Но едва еврей, намѣнявъ товарищамъ, вынулъ изъ своего кошелька золотой въ двадцать марокъ, онъ тотчасъ вступилъ въ торгъ. 20 марокъ онъ предлагалъ обмѣнять за десять рублей и не иначе, какъ золотомъ. Когда желающихъ не нашлось, еврей хладнокровно положилъ свой золотой обратно въ карманъ, въ надеждѣ, конечно, вымѣнять его въ будущемъ съ наибольшей выгодой.

Только-что ужиналъ на вокзалѣ и разговаривалъ съ офицеромъ А-скаго гусарскаго полка, пріѣхавшимъ изъ Пруссіи. Говоритъ, что фактъ добиванія нѣмцами нашихъ раненыхъ установленъ оффиціально. Какой подлый у насъ противникъ. Поручикъ разсказывалъ, между прочимъ, о томъ озлобленіи, съ какимъ германцы ведутъ войну. Такъ, взятый его полкомъ, въ числѣ другихъ, въ бою у рѣки Ангерапъ нѣмецкій драгунскій офицеръ, раненый пулей въ плечо, когда его доставили на перевязочный пунктъ, не только упорно отказывался отъ медицинской помощи, но предупредилъ, что тотъ, кто къ нему подойдетъ, получитъ плевокъ въ лицо; и что же, онъ, дѣйствительно, не остановился передъ этимъ мерзкимъ поступкомъ и плюнулъ въ лицо оказывавшей ему помощь сестрѣ милосердія.

Много разсказывалъ поручикъ и о такъ называемыхъ мирныхъ жителяхъ-нѣмцахъ, сигнализирующихъ своимъ изъ тыла нашихъ войскъ. Онъ говорилъ, напримѣръ, что каждую ночь «мирные» нѣмцы поджигаютъ постройки и стога сѣна, сообщая этими условными сигналами о передвиженіи нашихъ частей. Да, намъ, повидимому, предстоитъ долгая и упорная борьба съ германцами. У нихъ всталъ весь народъ.

23-го августа, 2 ч. дня. Вильна.

Черезъ часъ идемъ дальше. Съ утра осматривалъ городъ. Поклонился чтимой католиками иконѣ Остробрамской Божіей Матери, помѣщающейся въ часовнѣ надъ городскими воротами. По-польски ворота «брама»; когда-то они были названы Острыми, откуда и названіе иконы Остробрамская. Городъ во многомъ сохраняетъ слѣды сѣдой старины, но, какъ всѣ заселенныя еврейскою нищетою поселенія, грязенъ до невѣроятія, особенно на окраинахъ. Улицы въ большинствѣ узкія и кривыя, при чемъ нѣкоторыя настолько узки, что по нимъ не проѣдетъ ломовая телѣга; дома деревянные, среди нихъ много убогихъ лачугъ. Санитарное состояніе города ниже всякаго воображенія. Сдѣлалъ нѣкоторыя закупки и запасъ папиросъ.

Только-что принялъ въ батарею юнаго добровольца, мальчика лѣтъ двѣнадцати. Не скажу, чтобы взялъ его съ охотой, но ужъ очень, видимо, хотѣлось это солдатамъ. Да и мальчуганъ заявилъ: «вы не возьмете, съ другими пойду». Принесъ письмо отъ отца, въ которомъ тотъ благословляетъ его «бить нѣмцевъ». Петруша смышленый малый, грамотный и балагуръ; хорошо говоритъ по-польски. Онъ сирота — мать умерла; отецъ имѣетъ рамочную мастерскую въ какомъ-то посадѣ, подъ Вильной. Солдаты успѣли прозвать Петрушу «рѣпой», хотя я такъ и не добился у нихъ причины—почему?

Сегодня опять провезли черезъ Вильну партію плѣнныхъ германцевъ. Среди нихъ выдѣлялся огромнаго роста ветеринарный врачъ. Его отвели на пита-

тельный пунктъ при станціи и предложили пищу; онъ сталъ ѣсть только тогда, когда ее испробовала при немъ сестра милосердія: боялся отравы!

24-го августа.

Перегружаемся на станціи О., откуда на С.—нашъ конечный пунктъ—идетъ узкоколейная жел. дорога. Заношу въ дневникъ маленькое обстоятельство, взволновавшее всю мою батарею. При отходѣ поѣзда изъ Вильны, солдаты замѣтили исчезновеніе батарейной собаки — «Жука». Поѣздъ миновалъ уже станцію и пошелъ полнымъ ходомъ, когда въ догонку за нимъ бросился откуда-то появившійся «Жукъ». Солдаты говорятъ, что бѣдный песъ бѣжалъ не отставая отъ вагоновъ пять верстъ. Потомъ, умаявшись, было видно, какъ онъ упалъ, но, вслѣдъ затѣмъ, собравъ, очевидно, послѣднія силы, онъ еще разъ нагналъ поѣздъ. Тутъ ему встрѣтилась трудная для него преграда — рѣшетчатый мостъ. Кое-кто изъ солдатъ увѣряетъ, что «Жукъ» перешелъ черезъ мостъ и нѣкоторое время его можно было видѣть бѣгущимъ по желѣзнодорожной насыпи. Въ концѣ концовъ онъ окончательно исчезъ изъ вида. Жаль «Жука». Семь лѣтъ онъ пробылъ у насъ въ батареѣ, и мы всѣ привыкли къ нему. Солдаты горюютъ.

Перегрузку кончили, но когда двинемся дальше?—путь впереди занятъ. Вотъ чѣмъ безконечно сильнѣе насъ нѣмцы—сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Посмотришь на карту, тамъ у нихъ цѣлая паутина.

Только-что отпилъ съ штабсъ-капитаномъ Лишинымъ на станціи чай, и онъ пошелъ устраиваться въ

вагонѣ на ночлегъ. Вспоминали свои семьи, дѣлились заботами, заболтались до полночи. Утромъ, можетъ быть, будемъ отсюда далеко.

25-го августа.

Пришли въ С.; заняли въ городѣ каменное зданіе неработающаго кожевеннаго завода. Будемъ ждать прихода остальныхъ батарей дивизіона и 2-го полка пѣхоты нашей бригады. 1-й полкъ уже здѣсь. Войска N-го корпуса, ранѣе занимавшія городъ, уходятъ ночью на сѣверъ; такимъ образомъ, мы назначены замѣнить ихъ. Какъ далеко кажется все оставшееся позади, родной домъ, близкіе...

По приходѣ сюда, послалъ женѣ телеграмму. Когда получу вѣсточку отъ нея?

Сегодня утромъ, когда мы были еще въ О., меня разбудилъ капитанъ Сы-комскій неожиданнымъ извѣстіемъ: прибѣжалъ «Жукъ». Бѣдный бродяга производилъ самое жалкое впечатлѣніе; онъ былъ покрытъ слоемъ грязи и въ полномъ изнеможеніи. При всемъ томъ, вѣрный песъ нашелъ своихъ хозяевъ. Шутка ли, онъ пробѣжалъ свыше 70 верстъ и не потерялся. Теперь солдаты выхаживаютъ его, точно няньки. Надо думать, собака оправится.

26-го августа.

Разсматривалъ съ прапорщикомъ Крестьяниновымъ городъ. Половина жителей — русскіе и поляки его оставили, причемъ русскіе выѣхали всѣ. Евреи остались. Въ городѣ идетъ бойкая торговля и ничто не указываетъ на возможную отсюда близость войны.

Впрочемъ, можетъ быть, военныя дѣйствія и не разовьются на нашей территоріи. Какъ бы не было, генералъ Ренненкампфъ глубоко въ предѣлахъ Пруссіи, всего въ тридцати верстахъ отъ Кенигсберга, на линіи городовъ Лабіау—Фридландъ.

Утромъ пришли 2-я и 3-я батареи дивизіона.

27-го августа.

Получены тревожныя свѣдѣнія. Пользуясь завѣсою Мазурскихъ озеръ, нѣмцы большими силами обходятъ лѣвый флангъ арміи генерала Ренненкампфа. Наша развѣдка установила появленіе германцевъ вблизи отъ границы. Ждемъ приказанія выступать. Только-что прошелъ подъ окнами съ пѣснями 2-й полкъ нашей бригады, сейчасъ пришедшій въ городъ.

Выяснилось, что наша бригада будетъ дѣйствовать самостоятельно. Ближайшая задача — итти въ Пруссію, войти въ соприкосновеніе съ непріятелемъ и, вынуждая его къ бою, оттягивать на себя. Очевидно, всѣ войска, сосредоточенныя къ югу отъ насъ, получили то же заданіе: активными дѣйствіями привлечь на себя вниманіе германцевъ и этимъ дать возможность арміи генерала Ренненкампфа благополучно отойти на востокъ.

Черезъ нѣсколько минутъ выступаемъ. Намъ приданы двѣ сотни казаковъ. Маршрутъ—шоссе на мѣстечко Ф., отстоящее въ 23 верстахъ отъ С., и въ двухъ верстахъ отъ границы. Идемъ походнымъ порядкомъ. Въ тылу у насъ — полевой лазаретъ Крас-

наго Креста, которымъ завѣдуетъ, какъ мнѣ передавали, докторъ Же-скій, мой старинный знакомый по службѣ въ Твери.

28-го августа.

Свѣтаетъ. Стоимъ на позиціи, на полъ-дорогѣ между Ф. и германскимъ мѣстечкомъ М-кеномъ. Батарея спитъ, кромѣ дежурной у орудій прислуги. Спѣшу занести на память событія вчерашняго дня. Въ Ф. мы пришли въ шестомъ часу вечера, а въ 7 перешли границу. Всѣ сняли шапки и перекрестились. Выдвинувшіеся далеко впередъ казаки обошли М-кенъ съ южной стороны и перерѣзали всѣ телеграфные и телефонные провода. Въ 7 часовъ въ мѣстечко вошелъ весь нашъ отрядъ. На улицахъ не было ни души, но изъ всѣхъ оконъ выглядывали любопытныя нѣмецкія физіономіи. Впечатлѣніе такое, будто нѣмцы никакъ не ожидали нашего прихода. Черезъ часъ развѣдчики донесли, что въ К-нѣ, въ десяти верстахъ отъ М-кена, обнаружены германскіе драгуны, съ которыми казаки завели уже перестрѣлку. Туда посланъ былъ батальонъ 1-го полка и взводъ 2-й батареи, съ цѣлью поддержать казаковъ, буде опредѣлится, что въ К-нѣ находится и непріятельская пѣхота, и занять мѣстечко, если окажется, что силы германцевъ небольшія. Часа черезъ полтора послышалась ружейная перестрѣлка. Затѣмъ послѣдовало приказаніе оставить М-кенъ, итти на Ф. и занять ту позицію, на которой мы находимся сейчасъ. Какъ потомъ оказалось, германскія войска, очевидно, увѣдомленныя мѣстными жителями о нашемъ движеніи, въ свою очередь повели наступленіе

и К-енъ былъ ими занятъ на походѣ. Убитыми въ перестрѣлкѣ съ нѣмцами были два казака и ранено три нижнихъ чина. Первыя у насъ жертвы. Казаки сумѣли-таки захватить въ плѣнъ двухъ германскихъ драгунъ; загнали ихъ куда-то къ рѣкѣ и изловили живьемъ. Они отправлены въ тылъ. Отрядъ отошелъ отъ М-кена, потому что мѣстность тамъ неудобна для принятія боя. Конечно, если германцы откажутся итти за нами, мы пойдемъ впередъ. Это покажетъ наступающій день.

Позиція выбрана, кажется, удачно и было-бы желательно, чтобы нѣмцы напоролись на нее. Здѣсь мы могли бы на долгій срокъ приковать къ себѣ сильнѣйшаго насъ противника. Слѣва, въ трехъ верстахъ отъ шоссе, тянется на юго-востокъ рядъ небольшихъ озеръ, справа, въ верстѣ отъ шоссе, тоже озеро. Вотъ это-то разстояніе между озерами и занято нашимъ отрядомъ. Пѣхота успѣла вырыть окопы. На лѣвомъ флангѣ три батальона 1-го полка и 2 и 3 батареи; шоссе и пространство до озера справа заняты моей батареей и четвертымъ баталіономъ полка. Нашъ флангъ нѣсколько выдвинутъ впередъ. 2-й полкъ въ резервѣ. Орудія хорошо замаскированы—мы въ мелколѣсьѣ. Мѣстность впереди удобна для обстрѣла: ровная и открытая...

8 часовъ утра. Сейчасъ смотрю въ бинокль, какъ по шоссе къ намъ идутъ на рысяхъ казаки.

8 час. 15 минутъ. Въ батареѣ всѣ на мѣстахъ. Я на наблюдательномъ посту, въ 150—200 саженяхъ впереди, на крышѣ сарая.

8 час. 30 мин. Показались непріятельскія цѣпи.

8 час. 50 мин. Наша пѣхота открыла огонь. На лѣвомъ флангѣ залпъ нашихъ орудій...

1-го сентября.

На позиціи у озера В-ры, въ девяти верстахъ восточнѣе С., теперь уже занятаго нѣмцами. Три дня находились почти въ безпрерывномъ бою. Мучительно хочу спать...

2-го сентября.

Пѣхота прочно окопалась, занявъ перешеекъ между озерами В-ры и Ле-во. Думается, что на этотъ разъ задержимъ наступленіе германцевъ на болѣе долгій срокъ, тѣмъ болѣе, что вошли въ связь съ войсками N-го корпуса, расположенными сѣвернѣе. Впрочемъ, именно то обстоятельство, что самостоятельность нашего отряда теперь утратилась, не даетъ возможности говорить о томъ, сколько времени мы продержимся на нашей позиціи. Все зависитъ отъ общей обстановки, отъ положенія войскъ на сѣверѣ и на югѣ, что нашему брату, рядовому офицеру, и не видно;

. .

не дали мы нѣмцамъ возможности загнуть флангъ, а это и все, что требовалось. Сейчасъ германцы пріостановили наступленіе и со вчерашняго дня впереди слышится только рѣдкая ружейная перестрѣлка. Но сколько пережито за эти дни, сколько новыхъ впечатлѣній и ощущеній. На свѣжую память хочу занести по возможности всѣ подробности.

Начавшійся 28 числа бой между мѣстечками Ф. и М-кеномъ продолжался до сумерекъ слѣдующаго дня. Главные моменты боя были слѣдующіе: сперва германцы повели наступленіе по всему фронту позиціи, почти безъ подготовки артиллеріей. На нашемъ лѣвомъ флан-

гѣ они настолько обнаглѣли, что сразу же пошли густыми цѣпями. Открытый 2-й батареей огонь съ дальней дистанціи нанесъ имъ большой уронъ и разсѣялъ. Вслѣдъ затѣмъ началась артиллерійская дуэль, продолжавшаяся безъ перерыва до ночи. Наше счастье, что германцы усиливали огонь постепенно, по мѣрѣ подхода къ нимъ новыхъ силъ. Общее число дѣйствовавшихъ противъ насъ къ концу слѣдующаго дня силъ опредѣлилось не менѣе двухъ дивизій, при числѣ орудій свыше 50, противъ нашихъ 18! Въ первый день боя перевѣсъ въ огнѣ у нѣмцевъ былъ незначительный, такъ какъ намъ удалось привести къ молчанію двѣ ихъ батареи. Серьезныя потери понесла наша 2-я батарея, у которой германцы подбили орудіе и ранили поручика Яшнева (осколкомъ въ плечо навылетъ) и 19 нижнихъ чиновъ (трое умерли). Доблестные товарищи, слава и честь вамъ! Ночь прошла относительно спокойно, если не считать, что часовъ около 3-хъ германцы ни съ того, ни съ сего открыли по моему участку огонь, продолжавшійся минутъ десять. Потерь намъ они не нанесли, а мы не отвѣчали, чтобы не открыть расположеніе батареи. Къ вечеру нѣмецкая пѣхота ближе, чѣмъ шаговъ на 1000—1500, къ намъ не подходила. Съ разсвѣта германцы открыли огонь гораздо большей силы, повышая его до сумерекъ. Но такъ-таки насъ они и не нащупали. Только въ третьей батареѣ шальнымъ осколкомъ былъ убитъ одинъ нижній чинъ, да въ прикрытіи ранено двѣ лошади. За этотъ день пѣхота пострадала сильно. Санитары дѣйствовали молодецки, нѣкоторые вынося раненыхъ подъ огнемъ. За ночь германцы значительно подвинулись къ нашимъ окопамъ, при чемъ отдѣль-

ныя ихъ части окопались шагахъ въ 500 и ближе. Состязаясь съ многочисленной артиллеріей противника, приходилось въ теченіе дня неоднократно посылать по нѣсколько очередей противъ нѣмецкой пѣхоты, дѣлавшей попытки итти въ атаку. Въ 6 ч. вечера была отбита ружейнымъ и нашимъ огнемъ общая атака нѣмцевъ на всемъ фронтѣ. Въ семь часовъ послѣдовало приказаніе прекратить стрѣльбу, и наши славные стрѣлки перешли въ контръ-атаку, съ цѣлью выбить задержавшихся вблизи нашихъ окоповъ германцевъ. Какъ трудно было оставаться на батареѣ, когда впереди шелъ рукопашный бой и мы не могли принять въ немъ участія. Черезъ четверть часа нѣмцы бѣжали. Какой ужасный бой! Крики и стоны ихъ не забыть во вѣкъ! Бѣжавшихъ нѣмцевъ мы проводили шрапнелью. Потомъ артиллерія противника опять начала насъ засыпать, при чемъ опредѣлился подходъ къ германцамъ новыхъ подкрѣпленій. Въ девятомъ часу получено было приказаніе оставить позицію, и незамѣтно для непріятеля мы отошли къ востоку...

Сейчасъ Науменко принесъ обѣдъ: щи изъ солдатскаго котла и жареную куру. На мой вопросъ, гдѣ онъ ее досталъ, увѣряетъ, что кура дикая, «заблудившаяся», и что якобы онъ ее подстрѣлилъ. Ну, разъ Науменко сказалъ, такъ теперь все-равно толку отъ него не добьешся; теперь ужъ непремѣнно будетъ стоять на своемъ, что куру онъ подстрѣлилъ, и что она «дикая».

Кстати замѣтить о поведеніи «Жука». Собака совершенно равнодушно относилась къ реву орудій, но самый бой ее видимо волновалъ. «Жукъ» лаялъ и

неоднократно порывался въ сторону непріятеля. Очевидно, чутье подсказывало ему, гдѣ враги. Лошади вполнѣ спокойны и только въ 3-ей батареѣ, когда ранило двухъ въ прикрытіи, онѣ забезпокоились, пока солдаты тѣхъ не пристрѣлили...

Ночь. Все кругомъ спитъ, кромѣ сторожевого охраненія, да очередныхъ нумеровъ у орудій. Я сижу въ очень удобной выбоинѣ большого песчанаго холма и пользуюсь электрическимъ свѣтомъ карманнаго фонаря. Въ небѣ яркія звѣзды; воздухъ теплый. Что-то моя семья? Дѣти, жена?.. вѣрно и они спятъ... Написалъ имъ открытку и завтра дамъ Науменко—пусть передастъ въ тылъ.

Откуда-то съ сѣвера, издалека, доносится артиллерійская кононада. Вотъ и умолкла. Можетъ быть, это мнѣ показалось? Можетъ быть, и показалось...

Изъ всѣхъ впечатлѣній, которыя я пережилъ за эти дни, особенно поразилъ меня первый увидѣнный мною убитый солдатъ. Убило его въ первый день боя, на открытомъ мѣстѣ, между наблюдательнымъ пунктомъ, гдѣ я стоялъ, и окопами пѣхоты, куда онъ ползъ по какой-то надобности. Около него разорвался снарядъ. Потомъ, когда я къ нему подошелъ, мнѣ показалось, что онъ лежитъ, уткнувшись лицомъ въ землю. Но передняя часть головы его лежала оторванная, въ трехъ шагахъ отъ него, лицомъ повернутая кверху. Страшное, неизгладимое зрѣлище... То же и рукопашный бой... Что-то завтра? А теперь—спать.

3-го сентября.

Стоимъ на той же позиціи; нѣмцы не безпокоятъ. Продолжаю прерванный вчера разсказъ. Отступивъ въ ночь на 30 за нашу границу, отрядъ занялъ позицію у деревни Бродъ, на берегу рѣки, въ четырехъ верстахъ къ западу отъ С. Такимъ образомъ переходъ былъ сдѣланъ въ 20 верстъ. Мѣстность для обороны была неудобною, но цѣль, которую преслѣдовалъ отрядъ—дать нѣкоторую возможность уйти жителямъ изъ С. и попытаться войти въ связь съ войсками на флангахъ. Послѣдняго выполнить не удалось; видимо, мы оторвались. Мы отражали германцевъ въ теченіе пяти часовъ: съ девяти утра, когда они повели наступленіе, до двухъ дня. Затѣмъ отрядъ подъ прикрытіемъ казаковъ ушелъ, безъ преслѣдованія со стороны нѣмцевъ, но подъ обстрѣломъ ихъ артиллеріи.

Уступивъ С. и разрушивъ предварительно желѣзнодорожный и шоссейный мосты, отрядъ остановился на теперешней нашей позиціи, въ девяти верстахъ къ востоку отъ С. Теперь и справа и слѣва наши и опасаться чего-нибудь внезапнаго со стороны непріятеля повидимому нечего. Но пятичасовой бой у Бродъ чуть не оказался роковымъ для моей батареи. Трагизмъ положенія заключался въ томъ, что лежавшія впереди батареи пѣхотныя цѣпи не выдержали огня германцевъ и отошли; полагая, что позади батареи остается прикрытіе и не получая приказанія сниматься, я продолжалъ перестрѣлку съ непріятельскими батареями; было два съ минутами часа дня, когда, отбивъ шрапнельнымъ огнемъ наступленіе нѣмцевъ въ

лобъ батареи, я замѣтилъ на близкомъ разстояніи обходъ съ фланга, со стороны, гдѣ должны были находиться наши стрѣлки. Тамъ ихъ не было, значитъ они ушли. Отбился отъ нѣмцевъ картечью. Попытки говорить по телефону оставались безрезультатными. Отдѣльныя группы непріятеля подходили совсѣмъ близко, окружая батарею съ обѣихъ сторонъ. Тогда я на свой рискъ приказалъ орудіямъ сниматься по одному и выѣзжать на шоссе. Впослѣдствіи оказалось, что мнѣ своевременно было отдано по телефону приказаніе отходить, но телефонъ оказался поврежденнымъ. Если умышленно, значитъ въ тылу у насъ есть недруги. Какъ это грустно и страшно. Кто-жъ они? Роковыя минуты для батареи не прошли съ уходомъ нашимъ съ позиціи. Нагоняя отрядъ и пройдя уже версты двѣ, мы замѣтили настигавшую насъ кавалерію противника. Началась бѣшенная скачка. Но, вотъ и С. Мы проскочили черезъ мостъ въ тотъ моментъ, когда все было приготовлено нашими для его взрыва. Пятью минутами позже мы погибли бы. Въ С. мы нагнали дивизіонъ, а германцы прекратили преслѣдованіе, едва навстрѣчу имъ вытянулись казаки. Наши молодцы, перейдя рѣку, развернули лаву и черезъ нѣсколько минутъ скрылись изъ виду—они помчались за убѣгавшими отъ нихъ нѣмецкими драгунами. Казаки присоединились къ намъ только въ Виграхъ. Они вернулись съ богатой добычей: привели два блиндированныхъ германскихъ автомобиля. Автомобили эти, съ установленною на нихъ тяжелой артиллеріей, шли позади драгунъ, не успѣли завернуться и вывернулись въ канаву. Великолѣпныя машины. Казаки захватили и всю команду ихъ.

4-го сентября.

Пришла первая почта; сколько радостей принесла она всѣмъ намъ. Получилъ изъ дома сразу три письма; благодареніе Богу, тамъ все благополучно.

Сейчасъ по бригадѣ распространилась ужасная вѣсть! Принесъ ее раненый у Бродъ и оставшійся на полѣ сраженія солдатъ нашего 1-го стрѣлковаго полка. Солдатъ этотъ, полякъ, четыре дня ползъ, пока добрался до нашего расположенія; ночью ползъ, а днемъ прятался, боясь попасть въ руки нѣмцамъ. Разсказалъ онъ намъ слѣдующее: когда наша пѣхота отошла отъ Бродъ, позиціи ея, съ которыхъ не успѣли увезти всѣхъ нашихъ раненыхъ, заняли нѣмцы. Нѣсколько нѣмецкихъ солдатъ пошли между трупами нашихъ, выискивая раненыхъ. Какой-то изъ германскихъ солдатъ, въ трехъ шагахъ отъ поляка, пронзилъ штыкомъ стонавшаго, но, повидимому, находившагося въ забытьѣ нашего стрѣлка. Затѣмъ онъ подошелъ къ поляку и взмахнулъ надъ головой его прикладомъ.

— Не тронь, побойся Бога,—прошепталъ тотъ по-польски.

— Что-жъ, когда начальство приказало. Замолчи.. притворись мертвымъ, идутъ товарищи,—по-польски же отвѣтилъ ему убійца, очевидно Познанскій полякъ. Послѣ этого онъ для вида ударилъ прикладомъ по землѣ и громко, чтобъ его услышали подходившіе товарищи, сказалъ: — Ну вотъ, убилъ двухъ москалей, больше ихъ тутъ нѣтъ... идемъ дальше.

Таковы наши враги, вселяющіе въ наши души не страхъ передъ ними, но чувство мести и страстное желаніе ихъ разбить.

Сегодня съ утра надъ нашими позиціями залетали непріятельскіе аэропланы; бросаютъ бомбы, не причиняющія намъ никакого вреда. Солдатъ аэропланы, повидимому, нервируютъ, но, пройдетъ нѣсколько дней, привыкнутъ они и къ этому; ко многому мы уже привыкли! Противъ аэроплановъ дѣйствуютъ наши пулеметчики, и тѣ уходятъ отъ нихъ.

Только что изъ обоза прибѣжалъ вѣстовой Науменко; видъ у него совершенно ошалѣлый. Оказывается, нѣмецкій летчикъ угодилъ бомбой въ нашъ обозъ, напугавъ прислугу.—Ваше вы-бродіе, такъ-что нѣмецъ сверху снаряды спущаетъ, — объявилъ мнѣ свою новость Науменко.

— Въ чемъ-же дѣло?

— Убить могитъ.

— Ну, а пулей онъ убить не могитъ?

Науменко подумалъ, подумалъ и осклабился: —

— Точно такъ и пулей могитъ... одно слово война, ваше вы-бродіе. Да вотъ наши, обозные... смотрѣли, смѣялись, какъ еропланъ летаетъ.

. .

Пройду въ обозъ, а оттуда проѣду «въ гости» во вторую батарею; она расположена отъ меня въ верстѣ.

Сейчасъ съ сѣвера доносится отдаленная артиллерійская пальба. Говорятъ, тамъ нѣмцы зашевелились, но у насъ, пока что, тихо.

5-го сентября.

Сегодня ночью команда нашихъ развѣдчиковъ 1-го полка, въ восемь человѣкъ, участвовала въ лихомъ дѣлѣ. Незамѣтно подобравшись къ непріятельскому расположенію, наши молодцы врасплохъ напали на нѣмецкій сторожевой постъ; четверыхъ нѣмцевъ уложили, а двухъ захватили живьемъ.

Вчера ѣздилъ во вторую батарею и тамъ пилъ чай. Вернувшись, узналъ, что къ намъ въ дивизіонъ прибыла маршевая команда запасныхъ, въ числѣ 150 человѣкъ, т. е. по 50 человѣкъ на батарею. Однако, когда я сегодня предложилъ людямъ смѣниться и пойти отдохнуть въ обозъ, всѣ рѣшительно отказались. Надо сказать, что солдаты несутъ службу съ необычайнымъ усердіемъ и за все это время въ батареѣ не было наложено ни одного взысканія. Все это доказываетъ, съ какимъ сознаніемъ ведутъ у насъ борьбу съ нѣмцами. И то сказать: заѣли насъ нѣмцы, душатъ русскую жизнь и забираются на самые верхніе этажи. Пора съ этимъ кончить...

6-го сентября.

Опять залетали непріятельскіе аэропланы. Негодяи разбрасываютъ съ нихъ прокламаціи, обращенныя къ нашимъ войскамъ. Вотъ текстъ ихъ воззваній:

«Солдаты, у австрійской границы русская армія разбита и отступаетъ. Много русскихъ солдатъ остались на полѣ сраженія. Въ Польшѣ—мятежъ. Въ Москвѣ и Одессѣ революція и скоро распространится на всю Россію. Чтобы вы не сдавались въ плѣнъ, вамъ начальство говоритъ, что мы мучаемъ раненыхъ и

плѣнныхъ. Не вѣрьте этой клеветѣ. Да гдѣ же нашлись бы палачи, чтобъ убивать стотысячную армію русскихъ плѣнныхъ. Ваши плѣнные теперь спокойно проживаютъ внутри нашей страны, вмѣстѣ съ французами, бельгійцами и англичанами. Они очень, очень довольны. Не стоитъ умирать за потерянное дѣло, живите для женъ и дѣтей вашихъ, для вашего родного края, для новой и счастливой Россіи».

Таковъ нашъ вѣроломный врагъ. Солдаты оцѣниваютъ его по достоинству, а прокламаціи употребляютъ на «цыгарки»; бумагу одобряютъ, говорятъ тонкая, для табачнаго дѣла самая подходящая.

7-го сентября.

Съ утра въ пѣхотныхъ цѣпяхъ оживленная перестрѣлка. При всемъ томъ ожидать, чтобы нѣмцы рѣшились наступать въ лобъ нашей позиціи нельзя; вѣрнѣе думать, что поведутъ глубокій обходъ. Артиллерія наша и противниковъ молчитъ. Только что передавали, что изъ С. пришелъ бѣженецъ, торговецъ, полякъ, сообщившій, будто еврейское населеніе города встрѣтило нѣмцевъ хлѣбомъ солью, что изъ среды жителей образовался обывательскій комитетъ, предсѣдателемъ котораго состоитъ еврей, владѣлецъ аптеки, и что первымъ распоряженіемъ комитета было удовлетвореніе требованія германцевъ о поставкѣ нѣсколькихъ сотъ подводъ, на которыхъ они вывезли изъ города награбленное ими имущество бѣженцевъ - христіанъ. Относительно германскихъ войскъ полякъ показалъ, что они ежедневно прибываютъ въ С., откуда направляются къ сѣверу по шоссе и по полотну желѣзной дороги.

8-го сентября.

Былъ въ тылу, послалъ домой открытку и получилъ два письма. Жена передаетъ пожеланіе дѣтей, чтобы я скорѣй разбилъ нѣмцевъ и возвращался домой. Пишетъ, что получила письмо отъ своего брата, Пети Ко-льцева, находящагося съ полкомъ глубоко въ Австріи; тотъ сообщаетъ, что у нихъ дѣла идутъ отлично и что онъ участвовалъ во многихъ конныхъ атакахъ. Видимо, молодого война еще тѣшитъ. Милый Петя, увижусь ли я съ тобой и гдѣ?

Заѣзжалъ въ лазаретъ и тамъ встрѣтился съ моимъ давнимъ пріятелемъ, докторомъ Же-скимъ. Провелъ у него пару часовъ. Между прочимъ Же-скій говорилъ, что вчера къ нему поступилъ нашъ стрѣлокъ, раненый нѣмцами разрывной пулей. Пуля, угодившая въ плечевую кость, произвела страшныя разрушенія и причиняетъ раненому нестерпимыя мученія. Не врагъ у насъ, а мерзавецъ и подлецъ, нѣмецъ.

На позиціи только рѣдкая ружейная перестрѣлка. Сегодня въ первый разъ попали въ батарею газеты и вызвали общее ликованіе. Хоть и старыя новости читаемъ, а все же словно увидѣли уголокъ свѣта. Отрадно читать о единеніи общества, о заботахъ, которыми оно окружаетъ армію, и увѣренности въ нашу окончательную побѣду. Армія чутко прислушивается ко всему, цѣнитъ отношеніе къ себѣ и оправдаетъ его.

9-го сентября.

Въ ночь на сегодня отошли на 18 верстъ къ востоку и сейчасъ находимся въ мѣстечкѣ С..; отсюда,

послѣ привала, идемъ на деревню Берзники и далѣе по грунтовой дорогѣ, къ поселку Д..., на Нѣманѣ. Неожиданный отходъ нашъ вызванъ общимъ наступленіемъ германцевъ по всему фронту превосходными силами. Говорятъ, на Нѣманѣ мы дадимъ германцамъ рѣшительное сраженіе. Сейчасъ развѣдка донесла, что нѣмцы близко и идутъ по нашимъ слѣдамъ.

10 сентября.

Вчера, по выходѣ изъ С., насъ остановили и приказали задержать наступленіе непріятельскаго авангарда. Наши пулеметчики устроили нѣмцамъ великолѣпную ловушку и съ близкаго разстоянія обстрѣляли двѣ ихъ колонны. Батареямъ пришлось дѣйствовать только подъ вечеръ, когда нѣмцы принуждены были развернуться и открыли огонь изъ орудій, надо сказать—въ пустую: съ наступленіемъ сумерекъ нашъ отрядъ снялся. Но мы долго шли подъ аккомпаниментъ непріятельской артиллеріи. Очевидно, нѣмцы, получивъ на орѣхи, предположили, что дошли до одной изъ укрѣпленныхъ нами позицій, которую придется брать атакой. Вѣроятно, утромъ они были очень огорчены, убѣдившись, что насъ нѣтъ и что они напрасно старались. Маршрутъ нашъ измѣненъ и изъ С. мы идемъ грунтовою дорогой, на юго-востокъ, по направленію къ Гродно. За ночь прошли 16 верстъ. До назначеннаго мѣста остается еще столько же.

Сейчасъ стоимъ въ живописной литовской деревушкѣ, раскинувшейся по высокому берегу рѣки. Кажется, всѣ крестьяне, узнавъ, что за нами идутъ нѣмцы, собрали кое-что изъ своего скарба и потя-

нулись въ Гродно. Бѣдные люди, какое разореніе несетъ имъ война.

Черезъ полчаса идемъ дальше.

11-го сентября.

Вошли въ составъ нашего корпуса. Встрѣтили всѣхъ товарищей по бригадѣ, но едва успѣли переброситься парою словъ. Получилъ письмо изъ дома, переданное мнѣ налету поручикомъ Язевымъ, ѣздившимъ по надобностямъ бригады въ казармы. Сейчасъ полночь и на разсвѣтѣ ждемъ начала боя. У насъ все готово. Передаютъ, что нѣмцы идутъ къ Нѣману въ составѣ не менѣе девяти корпусовъ, занимая по фронту линію отъ Ковно до Гродно. У насъ собраны кажется тоже большія силы и, надо думать, непріятелю не поздоровится. Нашъ корпусъ стоитъ на заранѣе подготовленной позиціи, командующей надъ окружающей мѣстностью. Кругомъ пески и холмы. Днемъ на батарею заѣзжалъ командиръ корпуса, благодарившій насъ за службу и предшествовавшіе съ нѣмцами бои. При встрѣчѣ съ командиромъ бригады узналъ, что представленъ къ ордену св. Владиміра 4 ст., съ мечами, за бой у дер. Бродъ, когда моя батарея оставалась на позиціи безъ прикрытія и своевременно не могла сняться, вслѣдствіе порчи телефона. Капитанъ Сы-комскій и штабсъ-капитанъ Ли-нъ представлены къ Аннѣ. Ходатайствовалъ о награжденіи младшихъ офицеровъ и части нижнихъ чиновъ, т. к. всѣ мы трудились одинаково и находились въ одинаковой опасности. Вѣроятно, придется объ этомъ подавать оффиціальную бумагу.

Сейчасъ передъ нами открывается величественная и страшная картина. На горизонтѣ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кажется и совсѣмъ близко пылаютъ пожары. Это германскія полчища освѣщаютъ проходимый ими путь. Въ воздухѣ стоитъ неумолчный гулъ, въ которомъ смѣшивается и отдаленная пальба орудій, и легкая ружейная трескотня, завязавшаяся гдѣ-то далеко-далеко, и скрипъ нашихъ обозовъ въ тылу, и вдругъ пронзающее эту своеобразную, живую тишину близкое ржанье лошади. А все это покрываетъ сознаніе близости врага и смертельной борьбы съ нимъ. Надо бы отдохнуть, но нервы встревожены до крайности и едва ли кто въ эту ночь уснетъ. Вспоминается нашъ путь сюда, деревни, черезъ которыя мы вчера шли, люди, которые насъ тамъ встрѣчали, и вся мирная сельская природа. Все это затянуто въ водоворотъ кровавой войны, все это должно испытать ея ужасы—разореніе, разрушеніе и смерть...

Гдѣ то поблизости затрещали ружья. Пришелъ Науменко, принесъ чай. Удивительны качества души простого русскаго человѣка -- готовность послужить. Вѣдь другой бы ночью въ обозѣ спалъ, а вотъ Науменко вспомнилъ обо мнѣ, приготовилъ кипятку и не полѣнился отмахать двѣ версты до позицій. А вѣдь Науменко вовсе не исключеніе и даже особенно не привязанъ ко мнѣ. Просто видитъ онъ, что всѣ за дѣломъ, и считаетъ обязанностью всячески заботиться обо мнѣ. Въ мирное время ему изрядно отъ меня доставалось, а тутъ ничего не могу сказать. Вотъ она война съ нѣмцами, народная, долгожданная война.

Сейчасъ позову офицерство полакомиться чайкомъ.

Науменко сообщаетъ по обыкновенію рядъ своихъ новостей. Говоритъ, что нѣмцами противъ насъ командуетъ самъ Вильгельмъ.

12-го сентября.

5 часовъ дня; отбили третью атаку нѣмцевъ.

6 ч. вечера; германцы захватили часть окоповъ пѣхоты впереди батареи.

$6^{1}/_{4}$ ч. вечера; стрѣльбу прекратили; пѣхота готовится къ контръ-атакѣ.

7 ч. Убитъ поручикъ Петряевъ. Штабсъ-капитанъ Лишинъ раненъ; убиты и ранены въ батареѣ 31 нижній чинъ.

8 ч. Вторая контръ-аттака пѣхоты нѣмцами отбита; сейчасъ будетъ третья. Наши потери велики.

$8^{1}/_{2}$ ч. Перемѣнилъ позицію.

9 ч. Артиллерія замолчала. Окоповъ не вернули. Подошли резервы. Сейчасъ новый штурмъ.

10 ч. Наши выбили германцевъ.

$10^{1}/_{2}$ ч. Нѣмцы опять открыли орудійный огонь.

1 ч. ночи. На лѣвомъ флангѣ идетъ штыковой бой.

13-го сентября.

Бой продолжается уже 39 часовъ. Нѣмцы лѣзутъ. Штабсъ-капитанъ Лишинъ послѣ перевязки вернулся; часть нижнихъ чиновъ тоже.

4 ч. дня. Отбитъ общій штурмъ нѣмцевъ.

6 ч. вечера. Штабсъ-капитанъ Лишинъ убитъ.

7 ч. вечера. Подготовка къ нашему переходу въ наступленіе.

$7^{1}/_{2}$ ч. Нѣмцы бѣгутъ.

8 ч. Сейчасъ сообщено объ общемъ отступленіи германцевъ по всему фронту.

13-го сентября ночью.

Выступаемъ вдогонку за непріятелемъ.

14-го сентября.

Трое сутокъ безъ сна. Впрочемъ, только что я проспалъ три часа, цѣлыхъ три часа. Теперь другіе спятъ, а наша смѣна бодрствуетъ. Проснулись же мы всѣ отъ вдругъ наступившаго молчанія. Боже, какая тишина кругомъ! Даже голова начинаетъ отъ нея, отъ этой благодатной, неожиданно налетѣвшей откуда-то тишины, болѣть. Сонъ ли мой продолжается, или сонъ былъ тогда... ну, конечно же, часъ назадъ, когда я спалъ, вотъ у этого самаго орудія, у котораго теперь сижу, разряжавшаго черезъ каждыя 40 секундъ снаряды. И какъ спалъ! Рѣшительно ничего не слышалъ. Но всѣ мы вскочили, едва наступило это странное безмолвіе; его всѣ услышали. Скверно. Нехорошо какъ-то. Очевидно, спросонокъ. И даже не знаю, для чего я все это пишу...

17-го сентября.

Одиннадцать ночи. Отдыхаемъ (въ дер. Руда-Мацкова, въ 35 верстахъ по прямой линіи отъ Нѣмана къ западу) до разсвѣта. Изъ безконечно многаго пережитаго въ эти дни занесу слѣдующее: сегодняшній бой, когда мы топили въ Виграхъ три тысячи нѣмцевъ, цѣлыхъ три тысячи людей, которые отъ насъ прятались въ воду и тамъ тонули; вчерашній бой на опушкѣ Серскаго лѣса; смерть Лишина. Не стало дорогого товарища, сдѣлалось меньше однимъ добрымъ,

честнымъ человѣкомъ на землѣ. И невольно мнѣ приходитъ на память тотъ часъ, когда наша батарея уходила изъ родного города. Всѣхъ насъ провожали наши семьи. За полчаса до ухода, капитанъ Лишинъ отправлялъ со встрѣчнымъ поѣздомъ свою семью въ Петроградъ. Не говорилъ онъ тогда ненужныхъ словъ, не малодушествовалъ, держался крѣпко и спокойно попрощался. Но едва поѣздъ тронулся, Лишинъ побѣжалъ рядомъ съ вагономъ, гдѣ находились близкіе и дорогіе ему люди, словно разстаться съ ними онъ былъ не въ силахъ. Потомъ, вернувшись, Лишинъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Ну, вотъ и кончено все.

— Что кончено?—спросилъ я его.

— Да, такъ, все... Оборвалось, знаете ли, что то, и чувствую, что ужъ навсегда.

И, какъ это ни странно, но, присматриваясь къ Лишину, я какимъ-то образомъ ощутилъ, что онъ правъ, что дѣйствительно для него оборвалось «что-то» окончательно и навсегда. Я заставилъ себя думать тогда, что во мнѣ не предчувствіе говоритъ, а мгновенное подчиненіе его волѣ, его расходившемуся воображенію... Нѣтъ Лишина; оборвалось для него теперь все.

Штабсъ-капитанъ Лишинъ былъ убитъ въ 6 часовъ вечера 13 сентября разорвавшимся въ трехъ шагахъ отъ него снарядомъ. Смерть была моментальная. Лишинъ былъ изуродованъ; у него была оторвана вся правая часть туловища. Въ восемь часовъ вечера Лишинъ былъ похороненъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ палъ. Надъ могилой его насыпанъ курганъ и поставленъ крестъ. Семью покойнаго товарища я из-

вѣстилъ телеграммой, которую передалъ для отправки Науменко.

Ночью съ 13 на 14 наша бригада получила приказаніе слѣдовать за одной изъ отступавшихъ колоннъ противника. На разсвѣтѣ опять завязался бой, пока германцы не были окончательно сбиты. Сейчасъ намъ неизвѣстно, въ какомъ положеніи дѣла нѣмцевъ на нашемъ фронтѣ. Мы знаемъ только, что непосредственно передъ нами отступало три нумерныхъ германскихъ полка и двѣ батареи, изъ коихъ одна тяжелая. Плутали мы за непріятелемъ, не выпуская его изъ вида, свыше 50 верстъ, пока наконецъ жалкіе остатки его не ушли отъ насъ вовсе. Впрочемъ, можетъ быть и уходить у нихъ было некому, тѣмъ болѣе послѣ согодняшней утренней бойни.

Сейчасъ мы снова въ 15 верстахъ отъ С., откуда началась наша боевая работа. Нашъ отрядъ оторванъ. Мы не знаемъ, кто находится справа и слѣва, свои или чужіе и вообще, кто—гдѣ? Обозъ давно отсталъ, госпиталь тоже. Разсчитываемъ, что къ утру нагонятъ. Гдѣ Науменко и какъ найдетъ меня? Но теперь мы благоденствуемъ. Стоимъ въ деревнѣ. Я подъ крышей въ теплой крестьянской избѣ. Даже чай сейчасъ пилъ, даже ужиналъ — яйцами, творогомъ и картошкой. Деревня не пострадала—она въ сторонѣ отъ дороги и тутъ боя не было. Но и здѣсь на всемъ печать недавняго наступленія нѣмцевъ: убитъ какой-то крестьянинъ, все, что можно, обобрано, а жителямъ выданы наглыя квитанціи, съ указаніемъ взятаго и оплаты за него по представленіи ихъ въ Виленское государственное казначейство!

Въ послѣднiй разъ мы заставили непрiятеля принять бой вчера, въ Серскомъ лѣсу.

Вотъ чудовищныя подробности его: желая спасти свою артиллерiю, преслѣдуемая нами германская колонна направила орудiя по шессе въ С., а пѣхотными частями вошла въ лѣсъ, уклонившись къ сѣверу и слѣдуя грунтовою дорогой. Надо сказать, что, отступая, нѣмцы быстро и искусно приводятъ въ негодность пути, по которымъ мы идемъ за ними. Поперекъ дороги роютъ канавы, опутываютъ проволокой, наваливаютъ деревья, разрушаютъ мосты и проч. То же самое они продѣлали въ Серскомъ лѣсу, гдѣ и безъ того на размытой дождями дорогѣ и люди и лошади вязли, а орудiя тонули въ грязи по ось. Пройдя лѣсъ, германцы остановились, рѣшивъ дать отпоръ нашей пѣхотѣ. Они правильно разсчитали, что поддержать ее мы сможемъ не скоро, если вообще сможемъ пройти лѣсъ. Бой загорѣлся на опушкѣ; затрещали ружья и пулеметы. Безъ поддержки орудiй положенiе нашихъ стрѣлковъ могло стать критическимъ, если бы бой затянулся и нѣмцы увѣрились въ своемъ численномъ превосходствѣ. Тогда послѣдовало отъ командира бригады приказанiе пройти, хотя бы съ частью орудiй, къ пѣхотнымъ цѣпямъ. Эта задача была возложена на меня, и мы ее выполнили. Чего не выполнитъ русскiй солдатъ!

Два орудiя, на разстоянiи четырехъ верстъ, несли на рукахъ охотники. И въ тотъ моментъ, когда германцы вздумали наступать, наши орудiя загремѣли по наскоро вырытымъ ими окопамъ. Германцы попрятались въ норы. Черезъ полчаса ими былъ выкинутъ

бѣлый флагъ. Стрѣльба стихла и отъ нихъ вышелъ парламентеръ.

Посланный командиромъ 1-го полка адъютантъ донесъ, что германцы, въ виду того, что положить оружіе вынужденъ весь ихъ отрядъ, просятъ делегировать для переговоровъ кого-нибудь изъ старшихъ офицеровъ. Впослѣдствіи, со словъ взятыхъ нами въ плѣнъ раненыхъ, оказалось, что германцы добивались единственно одного—такъ или иначе вызвать на рукопашный бой нашу пѣхоту. По ихъ словамъ, они хотѣли побѣдить или умереть. И ради этого рыцарскаго намѣренія, они не остановились передъ величайшею подлостью. Они подняли, на глазахъ у насъ, вышедшаго къ нимъ, по приказанію командира бригады, парламентера на штыки.

Германцы добились своего. Безъ приказанія, безъ единаго крика наши стрѣлки поднялись и пошли въ атаку. Медленно и молча, не обращая вниманія на огонь нѣмцевъ, они шли къ ихъ окопамъ и когда добрались, началась потѣха, кровавая месть. Пятнадцать минутъ шелъ рукопашный бой двухъ противъ трехъ, въ которомъ люди кололи штыками, бились прикладами, кулаками, душили другъ друга и оглашали воздухъ проклятіями. Черезъ 15 минутъ нѣмцы бѣжали.

Сегодня утромъ мы нагнали остатки ихъ на берегу озера. Мнѣ посчастливилось, сдѣлавъ крюкъ, обойти отступавшихъ нѣмцевъ. И я считаю доброю удачей для себя, что тотъ отрядъ, который наканунѣ выбросилъ предательски бѣлый флагъ, что онъ попалъ подъ огонь моихъ орудій. Врагу дѣться было некуда: слѣва — озеро, справа германцевъ обошла наша пѣ-

хота, а на пути отступленія стояла моя батарея, разстрѣливавшая ихъ въ упоръ. Я гналъ нѣмцевъ въ озеро, постепенно суживая мѣстность обстрѣла. И они шли и тонули, и мои орудія не пощадили изъ нихъ ни одного...

18-го сентября.

Вошли въ связь съ войсками, дѣйствующими сѣвернѣе. Нашъ корпусъ, совмѣстно съ N-мъ армейскимъ, ведетъ впереди бой съ большими, по слухамъ, силами германцевъ, упорно обороняющими С. Говорятъ, что наши войска успѣшно продвигаются съ юга.

19-го сентября.

Опять въ С. Городъ кажется вымершимъ. Хотя въ центрѣ всѣ зданія цѣлы, но на окраинѣ во многихъ мѣстахъ видны слѣды разрушенія отъ артиллерійскаго огня. По странной случайности, моя батарея стоитъ въ томъ же зданіи кожевеннаго завода, которое мы занимали четыре недѣли тому назадъ. Оставшіеся въ городѣ жители, евреи, прячутся по домамъ и не открываютъ лавокъ. Однако намъ доподлинно извѣстно, что во время пребыванія здѣсь германцевъ торговля шла во всю. Маленькая характерная подробность. Въ то время, какъ полякамъ и литовцамъ нѣмцы выдаютъ квитанціи за забираемые у нихъ продукты, съ евреями они расплачиваются деньгами исключительно, впрочемъ, бумажными.

Бригада приводитъ себя въ порядокъ, кажется завтра идемъ дальше. Германцы отброшены къ самой границѣ. Сейчасъ поручикъ Рюминъ сообщилъ, что

черезъ часъ въ городскомъ храмѣ будетъ совершено молебствіе и панихида по павшимъ въ битвахъ.

Никогда еще не молились мы такъ горячо за живыхъ и мертвыхъ.

20-го сентября.

Пришелъ Науменко и этимъ несказанно удивилъ меня. Онъ отсталъ отъ обоза и добрался до С., какъ говоритъ, «своими средствами». Науменко сообщилъ, что, получивъ приказаніе отъ меня послать телеграмму о смерти штабсъ-капитана Лишина, по возвращеніи къ обозу, онъ не засталъ его на мѣстѣ; бригада и корпусъ нашъ ушли. Тогда Науменко примазался къ какой-то пѣхотной части и пропутешествовалъ съ нею четыре дня. Онъ хвастаетъ, что собственноручно закололъ двухъ нѣмцевъ. Убѣдившись затѣмъ, что отрядъ уклоняется отъ С. въ сторону и будучи почему-то увѣренъ, что я нахожусь именно въ этомъ городѣ, Науменко отсталъ отъ полка и пришелъ сюда съ какимъ-то госпиталемъ. Здѣсь онъ направился прямо на кожевенный заводъ. На мой вопросъ, почему онъ могъ думать, что я въ С. и именно на заводѣ, солдатъ объяснилъ, что иначе, какъ въ С. бригадѣ некуда было итти, потому сюда «дорога знакомая», а если такъ, то въ городѣ гдѣ же мнѣ было остановиться, какъ не на старомъ мѣстѣ. Большой философъ мой Науменко. Онъ и письмо мнѣ принесъ, захваченное имъ, слѣдовательно, недѣлю назадъ, на почтѣ. Письмо изъ дома и хотя старое, но какъ радъ я ему.

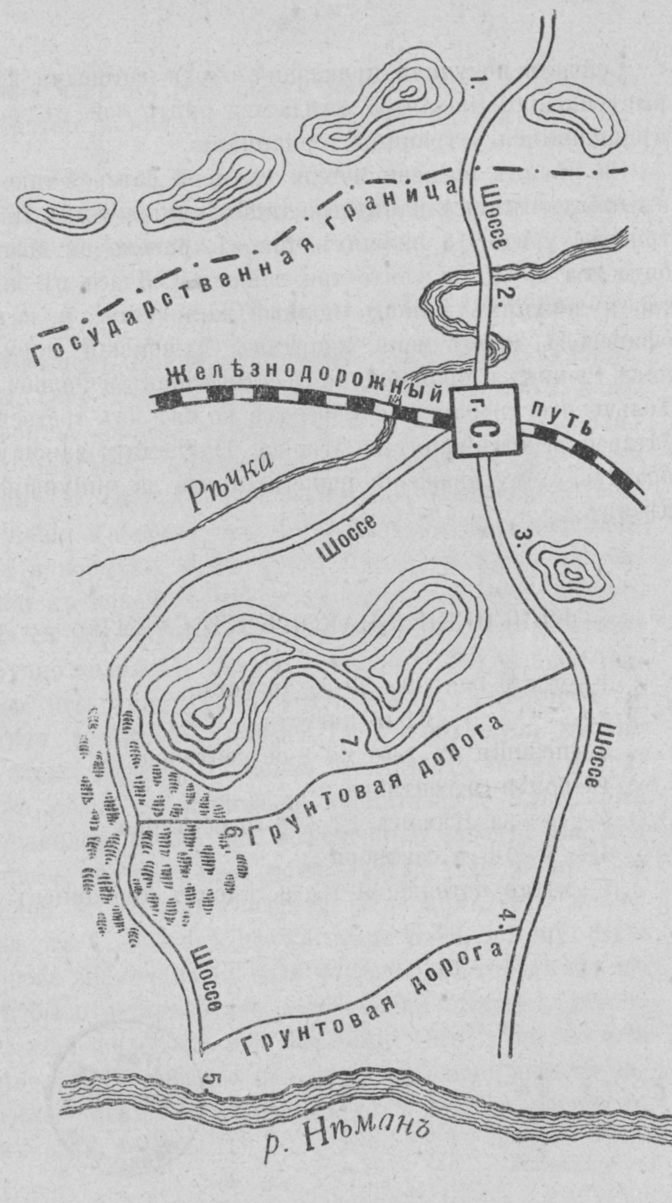
Сейчасъ получили приказаніе быть готовыми къ выступленію. На-завтра ожидается опять бой, съ зацѣпившимися у границы германцами.

За мѣсяцъ времени потери въ моей батареѣ таковы: убиты штабсъ-капитанъ Лишинъ и поручикъ Петряевъ; убито 13 нижнихъ чиновъ, ранено 21; подбито два орудія и убито три лошади. Сейчасъ въ батареѣ нижнихъ чиновъ полный комплектъ, а изъ офицеровъ, кромѣ меня, капитанъ Сы-комскій, поручикъ Рюминъ и прапорщики Крестьяниновъ и Фальцъ. Только что сообщили о переводѣ ко мнѣ изъ третьей батареи штабсъ-капитана Я-кова. На память заношу краткую схему движенія нашего отряда за минувшій мѣсяцъ.

ОБЪЯСНЕНІЕ ЗНАКОВЪ КЪ СХЕМѢ:

1—мѣсто боя 28—29-го августа.
2— » » 31-го августа.
3—позиція съ 1-го по 8-ое сентября.
4—бой 9-го сентября.
5— » за Нѣманъ 12—13-го сентября.
6— » 16-го сентября.
7—мѣсто потопленія трехъ тысячъ германцевъ.

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

Государственная граница
Шоссе
Железнодорожный путь
г. С.
Рѣка
Шоссе
Шоссе
Грунтовая дорога
Грунтовая дорога
Шоссе
Грунтовая дорога
р. Нѣманъ
1.
2.
3.
4.
5.
6
7.

21-го сентября.

Выступили изъ С. къ границѣ по старой, знакомой дорогѣ. Бой шелъ впереди, верстахъ въ 20—25. Странно было проходить тѣ мѣста, гдѣ мѣсяцъ тому назадъ мы отступали подъ натискомъ германскихъ силъ, увлекая ихъ за собой вглубь нашей земли, ея лѣсовъ, болотъ и непроѣзжихъ дорогъ, куда зарвавшійся непріятель шелъ на вѣрное пораженіе. Прошли Броды, гдѣ чуть не погибла моя батарея; сняли фуражки, перекрестились. На мѣстѣ разрушеннаго нами моста теперь перекинутъ черезъ рѣчку другой, крѣпче прежняго. А кругомъ — страшныя картины войны — трупы, всюду трупы людей. Ихъ не успѣли похоронить. Почти всѣ они лежатъ головами къ западу. Это убитые во время преслѣдованія германцы. Говорятъ, что по всему фронту германскаго наступленія къ Нѣману, наши вдребезги расколотили непріятеля, потерявшаго огромное число людей. По пути, во многихъ мѣстахъ, попадаются отбитые у германцевъ повозки, зарядные ящики, кое-гдѣ пушки; одни съ поломанными осями и колесами, другіе совсѣмъ цѣлехонькіе. По обѣимъ сторонамъ шоссе безпрерывное движеніе; здѣсь день и ночь жизнь. Ползутъ къ позиціямъ тяжеловѣсные обозы, прыгаютъ по размытой дождями колеѣ патронныя двуколки, сѣрой лентой тянутся войска. Навстрѣчу движутся фуры съ ранеными и небольшія партіи плѣнныхъ...

До вечера прошли 16 верстъ и остановились. Здѣсь получили приказъ свернуть съ шоссе и итти къ югу. До полуночи дѣлали трудный маршъ, почти безъ дороги, вблизи боевой линіи. Сейчасъ стоимъ на при-

валѣ, въ полуразрушенной деревушкѣ. Въ восьми верстахъ къ западу идетъ бой. Мы въ первый разъ на положенiи зрителей и съ мѣста наблюдаемъ, какъ по темному небу, точно молнiи, бороздятъ огни. Гулъ то стихаетъ, то вспыхиваетъ съ новой силой. Нашъ корпусъ перебрасывается на два десятка верстъ къ югу, гдѣ германцы, по слухамъ, успѣли образовать кулакъ и пытаются обойти расположенiе всей нашей армiи. Готовимъ ужинъ и, накормивъ лошадей, пойдемъ дальше.

23-го сентября.

Вчера весь день былъ въ бою. Сегодня съ утра работаемъ у орудiй посмѣнно. Нашъ корпусъ смѣнилъ кавалерiйскую дивизiю, четыре дня задерживавшую попытки германцевъ перейти въ наступленiе. Лихая кавалерiя, не имѣвшая даже возможности окопаться, въ виду отсутствiя у ней шанцеваго инструмента, и почти безъ поддержки артиллерiи, сумѣла искуснымъ маневрированiемъ и постоянной угрозой захода въ тылъ выполнить порученную ей задачу блестящимъ образомъ. Къ сожалѣнiю, потери у ней большiя. Съ нашимъ подходомъ положенiе должно круто измѣниться. За вчерашнiй день и особенно за ночь стрѣлки успѣли окопаться подъ самымъ носомъ у непрiятеля. Нѣмцы вздумали было отогнать ихъ своими орудiями, но отъ этой затѣи тотчасъ вынуждены были отказаться и теперь все время ведутъ огневой бой съ нашей артиллерiей.

Передаютъ, что съ утра замѣчено какъ-будто измѣненiе въ тактикѣ у непрiятеля; онъ усилилъ препятствiя къ подходу къ своимъ позицiямъ, наворотивъ

цѣлый лѣсъ проволочныхъ загражденій, ямъ и пр. Вѣроятно, отказываются отъ наступленія и переходятъ къ оборонѣ. Надо сказать, что искусные въ техникѣ, пользуясь всѣми ея пріемами, германцы гораздо сильнѣй въ оборонѣ, чѣмъ въ открытомъ бою. Штыка избѣгаютъ и рискуютъ на него только при завѣдомомъ численномъ превосходствѣ. Все сводятъ къ огню, но наши попаданія дѣйствительнѣе: мы ведемъ прицѣльную стрѣльбу, они же, при наступленіи, бьютъ по площадямъ, тратя снаряды попусту. Конечно, если бы у нѣмцевъ число орудій значительно превосходило насъ и въ снарядахъ мы должны были бы соблюдать экономію, тогда ихъ методъ могъ бы имѣть для насъ роковое значеніе, но, судя по началу, наша подготовка къ войнѣ не уступаетъ германской.

Германцы тщательнѣйшимъ образомъ маскируютъ свои орудія и предпочитаютъ бить съ дальнихъ дистанцій; открытыхъ позицій совершенно не признаютъ.

Пока что, нащупать нѣмцевъ не удается; что касается ихъ стрѣльбы по моей батареѣ, она совсѣмъ ни къ чему: все время даютъ перелетъ, облюбовавъ позади батареи рощу.

24-го сентября.

Сижу въ чудесномъ помѣщеніи — вырытой солдатами землянкѣ; ширина ея три аршина, длина столько-же. По бокамъ двѣ досчатыя койки, у задней стѣны— третья; — посрединѣ, въ проходѣ, столъ, а попросту говоря сколоченный изъ досокъ ящикъ. На койкахъ солома и спать блаженство; несемъ дежурство по шести часовъ, въ такомъ порядкѣ: первая смѣна—я, поручикъ Рюминъ и прапорщикъ Крестьяниновъ;

вторая — капитанъ Сы-комскій, штабсъ-капитанъ Я-ковъ и прапорщикъ Фальцъ.

Кстати о младшихъ товарищахъ. Крестьяниновъ прямо золото. Я никакъ не продполагалъ, чтобы изъ «вольнаго» могъ выйти такой дѣльный вояка — исполнительный, мужественный и спокойный человѣкъ. Противъ Фальца тоже ничего не могу сказать. О нижнихъ чинахъ уже говорилъ, но повторю еще сто разъ, что людей узнать нельзя. Воистину служатъ не за страхъ, а за совѣсть и съ радостью умираютъ за Родину и Царя.

Съ обстановкой всѣ мы вполнѣ свыклись, а сейчасъ, послѣ каждаго дежурства, великолѣпнымъ образомъ отдыхаемъ: спать удобно, обѣдъ сытный... Науменко балуетъ меня во всю и даже началъ съ сегодня дѣлать мнѣ массажъ ноги, чего я лишенъ ужъ болѣе мѣсяца. Между тѣмъ, прошлогодній ишіасъ нѣтъ-нѣтъ и даетъ себя знать, и леченіе массажемъ какъ нельзя кстати. Единственное неудобство нашего помѣщенія — сырость; земля мокрая, но подъ ногами настланы доски, а слѣдовательно и это полъ-бѣды. Гораздо хуже и подчасъ прямо мучительна грызня вшей. Пока двигались, этого не замѣчали, но за вчерашній и сегодняшній день заѣли. У Фальца припасена какая-то противъ вшей мазь, но она мало помогаетъ и уже на исходѣ. Сы-комскій ею не пользуется, увѣряя, что отъ этой мази треклятыя твари только жирѣютъ.

Сейчасъ Науменко несетъ мнѣ обѣдъ, а тамъ и на дежурство.

25-го сентября.

Въ батареѣ праздникъ. Первые георгіевскіе кавалеры! За Нѣманскіе бои нижнимъ чинамъ пожаловано два георгіевскихъ креста и четыре медали. Я представленъ къ чину полковника, убитые штабсъ-капитанъ Лишинъ и поручикъ Петряевъ и здравствующіе офицеры и прапорщики къ производству въ чины. Лично мнѣ чрезвычайно важно производство въ полковники, такъ какъ благодаря этому я избѣгаю послѣ войны грозящаго мнѣ ценза, по которому вскорѣ я долженъ былъ бы уходить въ отставку. А между тѣмъ я чувствую еще себя способнымъ послужить родинѣ. Во второй и третьей батареяхъ дивизіона также награды и командиръ третьей батареи, подполковникъ К-инъ, представленъ, какъ и я, къ повышенію. Радуюсь за него, онъ достойный человѣкъ. Кстати о георгіевскихъ крестахъ. Кто въ батареѣ у меня достойнѣйшій? Право, всѣ въ равной мѣрѣ. Кто вообще герой въ этой войнѣ? Тотъ, кто убитъ, или тотъ, кто еще ждетъ своей очереди, или, наконецъ, счастливѣйшій изъ счастливыхъ, кто останется невредимымъ до конца войны и вернется домой? Выдержать войну, если къ тому же она затянется на годъ, а можетъ быть больше—пусть это не геройство, но тогда что-же? Мнѣ рисуется, что эта война по одному тому и не можетъ быть затяжною, что всѣ мы люди, что у всѣхъ у насъ нервы, и у насъ и у нѣмцевъ, и что отъ нервовъ можно брать только то, что они могутъ дать. У кого духъ сильнѣй, тотъ и выдержитъ и побѣдитъ. И какъ бы ни была у нѣмцевъ чудесна техника, ничего чудеснаго съ душой своей они не подѣ-

лаютъ. Тутъ не техника, не желѣзныя дороги и не 42-хъ-сантиметровыя орудія послѣднее слово скажутъ, а Нѣчто повыше, если только въ мірѣ Божьемъ есть зло и есть добро. И если есть они, неужели тотъ, кто злу служитъ, неужели у него духъ можетъ быть сильнѣй? Тогда не перекройкой карты Европы заниматься надо бы, а всѣ вѣрованія и отношенія между людьми перемѣнять. Властвуй тотъ, у кого кулакъ сильнѣй. Вотъ на этомъ-то Вильгельмъ и обожжется. Рѣшилъ нѣмецъ, что ему «самъ чортъ не братъ», но, повидимому, весьма недалеко ушелъ отъ родства съ нимъ. Ну и не выдержитъ, оборвется, всѣ мы чувствуемъ, что оборвется и первый пардона запроситъ. Ничего онъ подъ конецъ съ своей техникой не подѣлаетъ, духа не воскреситъ и побѣдителемъ не останется. Въ это всѣ мы въ арміи свято вѣримъ.

Сегодня, какъ и всѣ эти дни, продолжается огневой бой. Къ вечеру нѣмцы огонь почему-то усилили и по сосѣднему со мной участку бьютъ снарядами изъ тяжелыхъ орудій. «Чемоданы», какъ прозвано въ арміи это послѣднее германское изобрѣтеніе, совершенно не достигаютъ своей прямой цѣли, по крайней мѣрѣ въ полевой войнѣ. При осадѣ крѣпости, они, весьма вѣроятно, могутъ имѣть рѣшающее значеніе, но въ борьбѣ съ войсками ихъ роль прямо ничтожна, если не говорить объ эффектѣ, который они производятъ на новичковъ. Мы, послѣ Нѣманскихъ боевъ, относимся къ чемоданамъ спокойно. Конечно, близкій разрывъ производитъ впечатлѣніе, но и только; одновременно съ страшнымъ, все заглушающимъ трескомъ, съ земли подымается черный столбъ, падающій затѣмъ тяжелымъ смертоноснымъ облакомъ. На мѣстѣ

разрыва остается громадной величины воронка, которой наши солдаты пользуются, какъ прикрытіемъ: второй разъ сюда же «чемоданъ» не пожалуетъ.

Сейчасъ наши стрѣлки зарылись въ землю съ головой. .
. .
. .
. .
. .

26-го сентября.

Послѣ долгаго перерыва пришла почта, съ свѣжими новостями, письмами и газетами. Я получилъ цѣлую гору писемъ. Жена радуетъ дѣтьми—оба хорошо учатся и послушны. Про Петруню пишетъ, что онъ обѣщаетъ приложить все стараніе усердно работать и все затѣмъ, чтобы поскорѣй попасть въ корпусъ, потомъ кончить училище и сдѣлаться офицеромъ и, наконецъ, пойти, какъ я, на войну. Хочу вѣрить, что мечты его не сбудутся. Не скоро послѣ этихъ потоковъ крови задумаетъ человѣчество вести войну...

Соня сообщаетъ о томъ, какъ приняла извѣстіе о смерти мужа А. И. Лишина. Убивается бѣдная, но на людяхъ держитъ себя въ рукахъ и работаетъ въ лазаретѣ, ходитъ за ранеными, и это ея единственное сейчасъ утѣшеніе. Бѣдныя наши жены! Бѣдная моя Сонечка!

Получилъ письмо отъ отца и отъ старшаго брата жены, Л. В. Коль-цева. Оба письма такія сердечныя и добрыя. Л. В. прямо-таки меня растрогалъ.

Кто-кто, а онъ человѣкъ вовсе не сантиментальный. Смотритъ Л. В. на многое другими глазами, чѣмъ я, и часто выходили у насъ въ разговорахъ съ нимъ недоразумѣнія, хотя и мелкія, а все-таки недоразумѣнія. Онъ—большой политикъ, общественный, какъ говорится, дѣятель, либералъ и проч., однимъ словомъ изъ другого, чѣмъ я, тѣста. А вотъ письмомъ своимъ положительно меня сконфузилъ. Возноситъ во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ я или кто другой изъ насъ заслуживаетъ. Зачѣмъ скрывать, его письмо особенно цѣнно мнѣ. Поддерживайте воиновъ, создавайте условія, чтобы каждый изъ насъ былъ увѣренъ, что дома, за спиной нашей спокойно, не скрывайте, что жизнь и смерть наша нужны отечеству,—и побѣда наша.

Въ одномъ изъ писемъ Сонечка сообщаетъ рядъ курьезовъ. Жена командира 2-го дивизіона, хорошенькая М. М., пошла въ сестры милосердія. По этому поводу мнѣ вспоминается день ухода 2-го дивизіона на войну. Среди грустныхъ сценъ разлуки не могла не броситься въ глаза плачущая М. М., буквально повиснувшая на шеѣ своего старенькаго, подслѣповатаго и уродливаго мужа, котораго она всегда держала подъ такимъ твердымъ каблукомъ. А рядомъ стоялъ поручикъ X, постоянно пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ М. М. Но въ часъ разлуки она совсѣмъ не обращала на него вниманія. По комъ же плакала М. М.? Это было загадкой для всѣхъ и, кажется, для нея самой. И вотъ, она сестра милосердія. Ну и съ Богомъ!

Гораздо оригинальнѣе уходъ въ армію, въ качествѣ добровольца, дочери одного изъ нашихъ бата-

рейныхъ командировъ. Жена пишетъ, что та обстригла волосы на головѣ и ходитъ по улицамъ въ солдатской шинели. Ее приняли во вновь формируемый у насъ дивизіонъ. Называетъ себя «Мишкой» и говоритъ, что вернется не иначе, какъ съ георгіевскимъ крестомъ. Вотъ, въ пользу женскаго добровольчества сказать что-нибудь затрудняюсь. Не женское дѣло итти въ солдаты. Хочешь родинѣ послужить—поле широкое: иди въ лазаретъ, ухаживай за ранеными, шей бѣлье. .

. .

Радуютъ газеты, въ которыхъ отражается единодушіе общества и заботы его объ арміи. Радуютъ успѣхи нашихъ союзниковъ-французовъ, англичанъ и сербовъ. Нигдѣ австро-германцы не могутъ одержать дѣйствительной побѣды, и, надо думать, бахвальству ихъ скоро придетъ конецъ.

27-го сентября.

Прошедшая ночь ознаменовалась рѣдкимъ военнымъ эпизодомъ. Виновникомъ его была партія развѣдчиковъ нашего 1-го полка. Дѣло было такъ: въ полночь пять человѣкъ охотниковъ, подъ командою унтеръ-офицера, вышли, правильнѣе сказать, выползли на развѣдку, съ цѣлью «добыть языка». Уклонившись въ сторону, наши охотники рѣшили пробраться къ лѣсу и тамъ снять какой-нибудь непріятельскій дозоръ. Послѣ часа длиннаго и тяжелаго пути между нашимъ и германскимъ расположеніемъ, стрѣлки добрались до вырытой нѣмецкимъ чемоданомъ саженной ямы. Неслышно спустились въ нее съ цѣлью передохнуть и застали тамъ такихъ же гостей.

тоже пять человѣкъ, но уже германскихъ охотниковъ. Между нашими и нѣмцами началась рукопашная схватка. Въ результатѣ ея обѣ стороны разошлись до извѣстной степени миролюбиво, по крайней мѣрѣ не причинивъ другъ другу большого вреда. Дѣло въ томъ, что стрѣлять и наши и нѣмцы остерегались, чтобы не поднять переполоха въ цѣпяхъ, которыя легко могли бы открыть по нимъ съ обѣихъ сторонъ огонь. Холоднымъ оружіемъ не дѣйствовали, потому что въ темнотѣ, въ общей свалкѣ, рисковали заколоть своего. Такъ и неизвѣстно, кто кого вздулъ, да и вообще разобраться, кто кого билъ, трудно. Солдаты объясняютъ, что они «мялись кучей»; кто падалъ, на того наваливались остальные, и свои и враги, потому никто ничего различить не могъ. Въ результатѣ отчаяннаго сраженія одинъ изъ нашихъ солдатъ вернулся съ прокусаннымъ носомъ, а унтеръ-офицеръ съ вышибленными двумя зубами. Конечно, какъ полагается, наши увѣряютъ, что нѣмцамъ досталось больше. Въ доказательство этого унтеръ-офицеръ принесъ клокъ вырванной имъ у нѣмца рыжей бороды. Каковъ же былъ въ нашихъ окопахъ хохотъ, когда у одного изъ нашихъ бойцовъ обнаружился значительный недохватъ въ его великолѣпной рыжей бородѣ...

Сегодня съ утра солдатики переругиваются съ нѣмцами—окопы настолько сблизились, что во время затишья обѣ стороны слышатъ голоса противниковъ. Между тѣмъ со вчерашняго вечера на позиціяхъ тихо. Орудія молчатъ. Повидимому, мы переходимъ къ настоящей позиціонной войнѣ, и это сулитъ намъ цѣлыя недѣли относительнаго бездѣйствія. Пользуясь этимъ, хочу записать кое-что изъ недавно пережитого.

Во-первыхъ, я давно ничего не говорилъ о нашемъ юномъ добровольцѣ, прозванномъ солдатами «Рѣпой». «Рѣпа» ведетъ себя молодцомъ и вполнѣ освоился съ солдатской жизнью и военною обстановкой. Конечно, лучшій другъ «Рѣпы» собака «Жукъ». Недавно, во время нашего похода сюда, «Рѣпа» и «Жукъ» умудрились общими усиліями забрать въ плѣнъ нѣмецкаго солдата. Произошло это при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Во время привала въ одной изъ деревень, «Рѣпа» и «Жукъ» отправились на рекогносцировку, съ цѣлью, очевидно, раздобыть какой-нибудь снѣди. У одной изъ разрушенныхъ пожаромъ избъ «Жукъ» остановился, обнюхался и принялся неистово лаять. Когда «Рѣпа» подошелъ къ собакѣ, то замѣтилъ, что она бросается къ узкой лѣстницѣ, которая ведетъ въ подвалъ. Недолго думая, храбрый «Рѣпа» полѣзъ внизъ, а «Жукъ» за нимъ. Тамъ «Жукъ» принялся лаять пуще прежняго. «Рѣпа» зажегъ огонь и увидѣлъ прятавшагося въ углу нѣмца. Едва тотъ поднялся съ земли, «Жукъ» вцѣпился ему въ ногу. Такъ ли, иначе ли, но по командѣ «Рѣпы» и подъ конвоемъ «Жука» нѣмецъ вылѣзъ изъ подвала, послѣ чего былъ доставленъ ко мнѣ. Оказалось, что два дня передъ тѣмъ въ деревнѣ произошла рукопашная схватка между однимъ изъ нашихъ отрядовъ и отступавшими германцами, во время которой, спасаясь, нѣмецъ спрятался въ подвалъ. Спустя нѣсколько часовъ онъ вздумалъ вылѣзти, но едва высунулъ голову, увидѣлъ, что деревня занята казаками. Боясь попасть имъ въ руки, храбрый воинъ рѣшилъ умереть, какъ увѣряетъ, голодной смертью и два дня просидѣлъ подъ землей. Во всей этой маленькой исторіи меня интересуетъ

«Жукъ». За время боевъ собака, повидимому, чутьемъ поняла, что германцы враги, и легко отличаетъ ихъ. Удивительно умное животное.

Изъ другихъ эпизодовъ, заслуживающихъ быть отмѣченными, разскажу слѣдующій. На второй день боя у Нѣмана произошла задержка въ подвозѣ къ моей батареѣ снарядовъ. Что можетъ быть болѣе трагичное, чѣмъ отсутствіе снарядовъ во время сраженія. Не зная причины этого обстоятельства (впослѣдствіи оказалось, что двѣ посланныя изъ парка очереди попали въ пути подъ огонь германцевъ, перебившій у ящиковъ лошадей; вскорѣ затѣмъ снаряды были подвезены), я вызвалъ охотниковъ, которые должны были кратчайшей дорогой, находившейся подъ обстрѣломъ нѣмцевъ, пройти въ тылъ и сообщить о положеніи батареи (оставалось по семидесяти снарядовъ на орудіе). Вызвавшіеся двое нижнихъ чиновъ не дошли до цѣли—одинъ былъ убитъ, другой тяжело раненъ. Тогда попросился выполнить порученіе извѣстный всей батареѣ, какъ большой чудакъ, рядовой Иванъ Пугачъ. О немъ стоитъ сказать два слова: онъ маленькій, тщедушный, болѣзненный и отнюдь не производитъ впечатлѣнія храбреца. Это не мѣшаетъ ему страстно желать заработать Георгія, въ чемъ онъ откровенно всѣмъ и признается. Когда Пугачъ выслушивалъ отъ меня порученіе, я обратилъ вниманіе, что онъ дрожитъ, какъ осиновый листъ, и чуть не плачетъ.

— Чего ты? — спросилъ его я.

— Боязно, ваше-скородіе... убьютъ.

— Такъ зачѣмъ же ты вызываешься?

— Ге.., ге.., Георгія заработать хочу,—признался

Пугачъ, и не успѣлъ я ему ничего сказать, какъ онъ подобралъ шинель, съежился въ три-погибели и пустился бѣжать по дорогѣ, оглашая воздухъ отчаяннымъ визгомъ.

Прибѣжалъ Пугачъ въ паркъ ни живъ, ни мертвъ. Несомнѣнно, во время пути онъ переживалъ минуты смертельнаго страха. Но желаніе имѣть Георгія у него было, очевидно, еще сильнѣй. И, выполнивъ опасное порученіе, онъ вполнѣ заслужилъ завидную награду, къ которой я его и представилъ.

Вспоминаю еще нѣкоторые курьезы изъ нашей боевой жизни. Особенно забавны тѣ, которые связаны съ именемъ самого германскаго кайзера. Дѣло въ томъ, что во время Августовскихъ боевъ среди нашихъ солдатъ укрѣпилась увѣренность, будто германцами командуетъ самъ Вильгельмъ. На этой почвѣ...

Сейчасъ сообщили, что позиціи объѣзжаетъ командиръ дивизіи. Иду на батарею.

28-го сентября.

Сегодня у меня непріятность. Подпрапорщику А-дину какимъ-то образомъ отдавило колесомъ зряднаго ящика ногу. Онъ получилъ свидѣтельство отъ нашего врача и отпросился на двѣ недѣли въ отпускъ. Пришлось доложить командиру дивизіона, который отпускъ ему разрѣшилъ. Лично мнѣ, говоря откровенно, очень не нравятся отпуски въ началѣ войны по такимъ мало-уважительнымъ поводамъ. А-динъ могъ бы отлежаться въ тылу пару дней и дѣло съ концомъ. Пользуясь его поѣздкой, написалъ письмо Сонечкѣ съ просьбой прислать папаху, бара-

ній тулупъ и валенки. Приходится готовиться къ зимѣ. Утромъ былъ въ гостяхъ у стрѣлковъ. Въ окопахъ они устроились совсѣмъ по домашнему. Саперы устроили къ окопамъ ходы сообщенія и итти туда, въ особенности ночью, совсѣмъ безопасно. Съ третьяго дня стрѣлки дежурятъ на позиціяхъ посмѣнно; перестрѣлка рѣдкая и, видимо, нѣмцы, такъ же, какъ и мы, находятся въ выжидательномъ положеніи. Видѣлъ кое-что интересное. Такъ, на крайнемъ правомъ флангѣ 2-го полка наши и непріятельскіе окопы настолько сблизились, что хорошо слышенъ разговоръ у противника. Этимъ во-всю пользуются наши солдаты и въ день по много разъ начинаютъ переругиваться съ германцами. При такой сценкѣ присутствовалъ и я.

— Нѣмецъ, а нѣмецъ, по-русски говоришь? — заговорилъ одинъ изъ нашихъ балагуровъ.

— Я по-русски говоришь, а ты по-нѣмецки не понимаешь, потому ты русски свинья, — послышался на ломаномъ языкѣ отвѣтъ, покрытый хохотомъ нѣсколькихъ голосовъ.

— Врешь, нѣмецъ, — не остался въ долгу нашъ: — у васъ, у колбасниковъ, свиней въ Германіи больше... у васъ, что не человѣкъ, то свинья.

Очередь хохотать наступила у нашихъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія разговоръ завязали германцы:

— Скоро мы у васъ гости будемъ.

— Милости просимъ. Ждемъ и гостинцы приготовили.

— До Москва сколько верстъ будетъ?

— А вотъ ты къ Нѣману еще разокъ сунься, тамъ я тебѣ и скажу.

— Что? Нѣману? Ти дуракъ. Скоро мы Москва будемъ.

— Не сердись, нѣмецъ. Францъ-Іосифъ приказалъ тебѣ кланяться и долго жить,—миролюбиво закончилъ разговоръ нашъ стрѣлокъ.

Миролюбіе конечно обманчивое. Высунуть изъ окопа голову нельзя — тотчасъ мимо ушей прожужжитъ рой пуль. И съ нашей и съ непріятельской стороны есть спеціалисты, добровольные караульщики, которые цѣлые дни проводятъ у стальныхъ щитовъ, высматривая черезъ отверстія. Замѣтивъ неосторожнаго противника, они укладываютъ его на мѣстѣ. Одного изъ такихъ любителей видѣлъ и я. Онъ сидѣлъ у щита, съ равнодушнымъ и соннымъ видомъ, и держалъ ружье на изготовкѣ. Говорятъ, что за послѣднихъ три дня онъ наколотилъ десятка два нѣмцевъ. Артистъ этотъ билъ безъ промаха.

Вернулся я изъ окоповъ прямо на дежурство, но день выдался на рѣдкость спокойный. Такое бездѣйствіе скучно, и я скажу, что если бы война приняла по всему фронту позиціонный характеръ, это было бы и нежелательно и опасно. Ничто такъ не деморализуетъ войска, какъ вынужденное бездѣйствіе вблизи непріятеля. Тогда легко можетъ зародиться сомнѣніе въ своей силѣ, а это грозитъ уже роковой бѣдой. Только тогда есть смыслъ прятаться въ землю, когда надо выиграть время для маневра, обмануть непріятеля. Вотъ почему я думаю, что на-дняхъ либо мы погонимъ нѣмцевъ, обойдя ихъ, либо наше командованіе, оставивъ здѣсь тонкую завѣсу, переброситъ большую часть нашихъ силъ на другой фронтъ. Я глубоко увѣренъ, что двухсотъ-тысячная армія, кото-

рая до конца войны находилась бы въ резервѣ, не принявъ боевого крещенія, оказалась бы слабѣе одного корпуса, закаленнаго въ предшествующихъ бояхъ. Ко всему надо привыкнуть. На войнѣ надо прежде всего привыкнуть смотрѣть смерти въ глаза.

Теперь мы ведемъ бой, только отвѣчая нѣмцамъ. Они намъ пришлютъ снарядъ и мы имъ, они пришлютъ два и мы столько же. По ночамъ германская артиллерія вовсе умолкаетъ, мы же посылаемъ имъ изъ каждой батареи, черезъ каждые полчаса, по гостинцу. Пускай спятъ, но не зѣваютъ.

29-го сентября.

Продолжаю прерванныя третьяго дня воспоминанія. Во время Нѣманскихъ боевъ, какъ я писалъ, наши солдаты были убѣждены, что германцами командуемъ самъ Вильгельмъ. Повидимому, ихъ увѣренность явилась результатомъ пропаганды самихъ германцевъ, пустившихъ этотъ вымыселъ среди крестьянъ. Отъ нихъ слухи дошли до солдатъ и распространились, кажется, по всей арміи. Надо думать, что германцы хотѣли сыграть на психологію нашихъ солдатъ, по возможности запугать ихъ, но, конечно, добились какъ разъ обратнаго. На этой почвѣ произошелъ рядъ курьезовъ. Такъ, мнѣ передавали, что въ С., въ штабъ дивизіи, два казака доставили взятаго ими въ плѣнъ нѣмецкаго офицера и заявили, что ими захваченъ «самъ ихній король». Сколько ни увѣряли казаковъ, что это не болѣе, какъ скромный германскій ротмистръ, они такъ и ушли при своемъ убѣжденіи. Между прочимъ говорятъ, что ротмистръ этотъ удивительно по-

хожъ былъ на Вильгельма. Эпизодъ этотъ дней черезъ пять дошелъ какимъ-то образомъ до моей батареи и, кажется, кой-кто изъ солдатъ и по-сейчасъ думаетъ, что «ихній король» находится у насъ въ плѣну.

Гораздо забавнѣе случай, который произошелъ съ однимъ изъ стрѣлковъ нашей бригады, теперь сдѣлавшимся своего рода извѣстностью. Фамилія этого чудака Крошкинъ. И въ самомъ дѣлѣ онъ совсѣмъ крошечный, низкорослый, узкогрудый и слабенькій. Онъ призванъ изъ запаса и совсѣмъ «деревня». Случилось съ нимъ вотъ что. Послѣ обстрѣла нашими орудіями одной изъ деревень, во время отступленія германцевъ отъ Нѣмана, наша пѣхота ворвалась въ эту деревню и вступила въ штыковой бой съ остатками задержавшагося непріятельскаго аріергарда. Съ нѣмцами, засѣвшими въ уцѣлѣвшихъ домахъ, покончили довольно скоро—которыхъ перекололи, которыхъ забрали въ плѣнъ. Въ одну изъ халупъ попалъ Крошкинъ. Какъ-то случилось, что въ халупѣ этой онъ оказался одинъ-на-одинъ съ огромнаго роста и прямо-таки атлетическаго сложенія германцемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что ударомъ кулака онъ могъ бы убить Крошкина на мѣстѣ. Нашего солдата крайне поразилъ и ростъ врага, и его необычайно величественная осанка, и главнымъ образомъ нарядная форма. Какъ потомъ выяснилось, это былъ важный военный чиновникъ германской арміи, случайно застрявшій въ деревушкѣ и не успѣвшій своевременно изъ нея уйти. Но фактъ тотъ, что Крошкинъ, оставшись вдвоемъ съ германцемъ, сперва растерялся, а потомъ по своему сообразилъ, что это и есть никто иной, какъ Вильгельмъ. Тогда онъ рѣшилъ во что бы то ни стало забрать

его живьемъ. Между тѣмъ германецъ, видя черезъ окно, что на улицѣ идетъ бой и что дверь изъ халупы ему загораживаетъ Крошкинъ, рѣшилъ щупленькаго солдата одолѣть. И хотя тотъ держалъ въ рукахъ ружье, германецъ выхватилъ свою шпажонку и повелъ на Крошкина атаку. Солдату ничего не стоило проколоть его штыкомъ, но онъ хотѣлъ добиться своего и захватить Вильгельма въ плѣнъ. Началась совершенно своеобразная дуэль, во время которой разсвирѣпѣвшій нѣмецъ нападалъ на Крошкина, тогда какъ наша «деревня» только парировалъ его удары, уговаривая не губить своей жизни. Завершилось все это тѣмъ, что чиновникъ изрядно поцарапалъ Крошкина и кончилъ жизнь въ полномъ смыслѣ самоубійствомъ: потерявшій терпѣніе и обезсиленный Крошкинъ, чувствуя что ему не отбиться и не уговорить врага, всадилъ ему въ концѣ концовъ штыкъ въ животъ. Послѣ этого солдатъ пришелъ съ повинною къ своему ротному, которому и доложилъ, что какъ онъ ни старался и ни упрашивалъ «Вильгельма» пожалѣть себя и добровольно сдаться, тотъ этого не пожелалъ и прямо полѣзъ на штыкъ ему. Убитаго «Вильгельма» пришла смотрѣть тогда чуть не вся бригада...

Пошелъ ливень и къ намъ въ землянку потекли струи воды. Принимаю мѣры самоохраны.

30-го сентября.

Всю ночь мучила головная боль. Нездоровилось. Снились тревожные сны и все о семьѣ. Какъ-то они тамъ, мои милые?

Ночью. Съ утра на позиціи, вблизи непріятеля, а теперь уже на 20 верстъ къ востоку, въ глубокомъ тылу, на станціи А-во, гдѣ всѣмъ дивизіономъ грузимся въ вагоны. Нашу бригаду, а можетъ быть и весь корпусъ, перебрасываютъ на другой фронтъ, по слухамъ къ Варшавѣ. Встрѣченные на станціи пріѣзжіе офицеры передаютъ, что въ Польшѣ обнаружилось новое наступленіе австро-германцевъ. Сейчасъ, послѣ дня хлопотъ, спать.

1-го октября.

Только теперь, въ сравнительной отдаленности отъ боевъ, всѣ мы словно проснулись и почувствовали, что есть жизнь кромѣ той, которой мы жили минувшій мѣсяцъ, что жизнь безмѣрно прекрасный Божій даръ. Правда, и здѣсь, на станціи, все напоминаетъ войну, но какъ-то иначе свѣтитъ солнце, прячущееся за бѣгущими съ запада облаками, какъ-то иначе и лучше выглядятъ и природа и люди. Воздухъ другой и дышится полной грудью.

Пришелъ поѣздъ. На платформу высыпало нѣсколько десятковъ пассажировъ, въ большинствѣ евреевъ, вѣроятно, торговцевъ, не забывающихъ ни при какихъ условіяхъ цѣну денегъ. Нѣкоторые изъ нихъ ѣдутъ въ С., другіе получаютъ багажъ здѣсь и направляются въ мѣстечко. Оно наполовину разрушено.

Кромѣ пассажировъ, изъ посторонней, не причастной къ войнѣ публики по платформѣ прогуливается неизмѣнный жандармъ и мелькаетъ, то въ одномъ, то въ другомъ концѣ красная фуражка начальника станціи. Удивительно, какъ кстати эта красная фуражка

и какъ пріятно ее видѣть. Начальникъ станціи, совсѣмъ молодой человѣкъ, только на-дняхъ прибылъ сюда послѣ того, какъ наши инженерныя войска возстановили желѣзнодорожный путь, разрушенный сперва нами, потомъ германцами. Въ станціонномъ буфетѣ идетъ бойкая торговля. Тамъ какой-то предпріимчивый грекъ, не вѣсть откуда взявшійся, открылъ явочнымъ порядкомъ буфетъ, въ которомъ можно получить чай, печенье, конфекты, папиросы и прочую дешевую гастрономію, которая обходится однако дорого. Впрочемъ, на грека никто не въ претензіи и охотно платятъ ему въ три-дорога, лишь бы получить отъ него товаръ по своему выбору и желанію. И въ самомъ дѣлѣ, какъ кажется все вкуснымъ—и чай, и печенье, и первая выкуренная «на свободѣ» папироса, если свобода весь этотъ окружающій просторъ, которымъ мы можемъ пользоваться, какъ захочется—итти вправо, или влѣво, словомъ все, чего мы были лишены недавно вовсе. Въ А-вѣ простоимъ, кажется, до вечера.

Съ утра солдаты просили разрѣшенія отслужить молебенъ и тутъ, рядомъ со станціей, на открытомъ воздухѣ священникъ 1-го полка совершилъ по моей просьбѣ службу. Славно пѣли солдаты и громко звучали слова святой молитвы.

Днемъ я заходилъ въ одинъ изъ развернувшихся вблизи отъ станціи тыловыхъ госпиталей Краснаго Креста. Онъ занимаетъ два большихъ деревянныхъ сарая и каменный домъ бѣжавшаго отсюда помѣщика. Опять поражающія впечатлѣнія. Въ палатахъ много раненыхъ, изъ нихъ большинство тяжело и ихъ постепенно эвакуируютъ вглубь Россіи. Смотря на

нихъ, я испытывалъ какое-то странное, похожее на любопытство чувство, какъ будто я хотѣлъ знать, что же будетъ со мной, когда я, правильнѣе сказать, — если я буду раненъ. Уцѣлѣть въ этой бойнѣ шансовъ мало и весь вопросъ — быть ли убитымъ, или быть раненымъ и когда. И меня интересовало это личное чувство, отъ котораго всѣ мы свободны въ бою, когда о своей жизни не думаешь вовсе, о жизни окружающихъ мало, но только о дѣлѣ.

Между ранеными видѣлъ офицера 5-ой батареи нашей бригады, поручика Лук-ва. Несчастный испытываетъ страшныя мученія; у него осколкомъ снаряда раздроблена колѣнная чашка на правой ногѣ. Я не подходилъ къ нему, потому что онъ былъ въ забытьѣ или спалъ. Среди раненыхъ нѣкоторые съ ампутированными конечностями
. .
. .
. .
Сколько смертей, сколько мученій! Да будетъ проклятъ Вильгельмъ за принятыя на себя злодѣйства.

Разговаривавшій со мной докторъ говорилъ, что теперь они отдыхаютъ: съ позицій привозятъ незначительное количество раненыхъ, и они надѣются дня черезъ три-четыре освободить госпиталь. Зачѣмъ? — для того, чтобы черезъ нѣсколько дней или недѣль, когда вновь загорится жестокій бой, опять заполнить госпиталь умирающими.

Только что офицеры батареи позвали пить чай въ буфетъ. Грекъ поставилъ самоваръ и приготовилъ какую-то закуску.

3-го октября.

Находимся на станціи К., гдѣ стоимъ на запасныхъ путяхъ, послѣ перегрузки съ узкоколейки, для дальнѣйшаго отправленія въ Варшаву. Пользуясь нѣсколькими часами свободнаго времени, хочу занести въ дневникъ рядъ чрезвычайныхъ для меня неожиданностей, происшедшихъ за вчерашній день. Первая изъ нихъ—встрѣча съ младшимъ братомъ, Степою.

Впрочемъ, опишу все по-порядку

. .

. .

. .

. .

Съ отходомъ отъ А., я почти не отходилъ отъ оконъ вагона. На всемъ пути почти безпрерывной лентой тянулись слѣды прошедшей военной бури. Картины, похожія одна на другую и въ то же время все разныя.

Сожженный домъ какого-то несчастливца въ уцѣлѣвшей деревнѣ, дальше — единственно пощаженный огнемъ домъ среди до-чиста выгорѣвшаго села... Постройка съ развороченной снарядомъ крышей, вѣтряная мельница, скошенная, какъ былинка, какой-то адской силой, одиноко торчащая фабричная труба, сломанное снарядомъ вѣковое дерево, поваленный заборъ, вырубленная березовая роща, а кругомъ почти всюду окопы, то длинные ряды ихъ, то на-скоро вырытыя, разбросанныя по всему полю ямы. То тутъ, то тамъ могильные холмы и кресты на нихъ. Безвѣстныя братскія могилы. Сколько молодыхъ жизней похоронено здѣсь, вдали отъ родного дома и любимой семьи. Не поплачутъ надъ ними ни жена, ни мать и

даже знать не будутъ, гдѣ нашелъ послѣдній пріютъ ихъ кормилецъ. Кое-гдѣ на крестахъ вѣнки съ увядшими уже цвѣтами—дань нашихъ солдатъ ушедшимъ боевымъ товарищамъ. На нѣкоторыхъ могилахъ воткнуты палки, а на нихъ прусскія безкозырки и каски. У самаго полотна нѣтъ-нѣтъ попадаются проволочныя загражденія. Вотъ перебитый шлагбаумъ и сожженная сторожка. Шлагбаумъ замѣненъ новымъ, и теперь около него нашъ сторожевой постъ... И такъ весь путь—это разнообразіе однѣхъ и тѣхъ же картинъ войны. Поѣздъ ползетъ черепашьимъ ходомъ, пока не добирается къ мѣстамъ, нетронутымъ войной. Но это ужъ совсѣмъ близко, всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ желѣзной дороги Варшава—Петроградъ, гдѣ нашъ флангъ окончательно задержалъ сентябрьское наступленіе германцевъ къ Нѣману.

Въ К. мы пришли къ вечеру и первымъ дѣломъ набросились на газеты. Отрадно было читать, что въ то время, какъ мы воюемъ съ германцами на границѣ, въ Россіи началась борьба съ нѣмецкимъ засильемъ, заѣвшимъ всю нашу жизнь. Но кто знаетъ, что труднѣй—побороть ли врага въ открытомъ бою, или тамъ, гдѣ на арену вмѣсто оружія выступаютъ другія могущественныя средства! Къ сожалѣнію, изъ попавшихся на руки газетъ далеко не всѣ настроены въ такой же степени непримиримо къ нѣмцамъ, какъ мы въ арміи. Въ однихъ и тѣхъ же №№ мы прочли, что въ то время, какъ въ Англіи и Франціи нѣмцы исключены изъ всѣхъ ученыхъ обществъ, что всѣхъ подданныхъ воюющихъ державъ держатъ тамъ на положеніи военноплѣнныхъ, у насъ — на ту же тему газеты пишутъ длинныя статьи и высказываютъ

противорѣчивыя мнѣнія. Академія Наукъ беретъ германизмъ подъ свое высокое покровительство, а въ университетахъ русскіе профессора расходятся въ пониманіи долга патріотовъ. Одни изъ нихъ предлагаютъ исключить германскихъ ученыхъ изъ своей среды, другіе этому противятся, указывая, что наука неповинна и непричастна войнѣ. Господа профессора, наука-то вѣдь создана людьми, а нѣмецкая наука создана не иначе, какъ нѣмцами. Почему же нѣмцевъ, хотя бы и ученыхъ, не считать врагами нашей родины? Грѣшнымъ дѣломъ, думается мнѣ, что и нѣмецкая наука, и нѣмецкіе ученые не сказали еще своего послѣдняго слова въ этой войнѣ. Вы думаете, что они «пороха не выдумаютъ»? А что, если они выдумаютъ что-нибудь пострашнѣй? То-то и есть, что въ Германіи ведутъ борьбу всѣ и вся, и надо бы, чтобы и у насъ вела съ ними войну не только армія, но и весь народъ, да хорошо было бы, если бы и «наука»... Само собою разумѣется, читая газеты, офицерство, которымъ станціонный буфетъ былъ биткомъ набитъ, обмѣнивалось мнѣніями и новостями и отъ десятковъ голосовъ стоялъ шумъ и гамъ . . .

. .

. .

. .

. .

Общій смѣхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ досаду вызвало у насъ чтеніе статей нѣкоторыхъ военныхъ обозрѣвателей. Особенно возмутителенъ одинъ изъ Петроградскихъ стратеговъ, успѣвающій, говорятъ, выбрасывать изъ себя сотни газетныхъ и журнальныхъ строкъ. Апломба хоть отбавляй, но по содержанію—

дѣтскій лепетъ. Все знаетъ и все объяснить можетъ! И наше отступленіе къ Нѣману хорошо и наше вторичное наступленіе къ границамъ Пруссіи прекрасно, и все это совершается по заранѣе выработанному плану. Даже тогда, когда насъ бьютъ и то, по его мнѣнію, повидимому, великолѣпно. Чушь, которую однако же печатаютъ и читаютъ. Что же, распредѣленіе труда! Одни воюютъ, другіе пописываютъ. Ну, и пускай ихъ пописываютъ.

Со станціи прошелъ въ вагонъ. Засталъ прапорщика Фальца въ одиночествѣ. Сидитъ хмурый, задумавшійся.

— Что съ вами?

И тутъ пришлось услышать маленькую трагедію.

— Да такъ, какъ-то нехорошо себя чувствую... то есть, не физически, а душевно. Судите сами: вѣдь все о чемъ тамъ, на станціи, про нѣмцевъ говорили, все о чемъ газеты пишутъ, все это вѣрно, со всѣмъ этимъ каждый изъ насъ согласенъ и обѣими руками подпишется. Да что же намъ дѣлать, русскимъ людямъ съ нѣмецкой фамиліей? Фальцъ—нѣмецъ, Эдуардъ Петровичъ—и подавно, да къ тому же еще и лютеранинъ! Фамилію просить чтобъ перемѣнили? Да вѣдь прежде всего спросятъ—вѣры какой? Вѣру перемѣнить? Да вѣдь это же отъ отца и матери отказаться...

Успокоилъ молодого человѣка чѣмъ могъ и душевно пожалѣлъ его. Въ самомъ дѣлѣ, что ему дѣлать? А вѣдь въ арміи у насъ такихъ, какъ Фальцъ, много и многіе изъ нихъ пролили свою кровь въ борьбѣ съ врагомъ. И думается мнѣ, что было бы справедливо дать всѣмъ нашимъ Фальцамъ, по крайней мѣрѣ, состоя-

щимъ въ арміи, право перемѣнить ихъ нѣмецкія имена. Воспользовались бы этимъ правомъ, конечно только тѣ, кто душой русскій. Одно дѣло просить, другое имѣть право. Настоящій-то нѣмецъ, повѣрьте, правомъ этимъ не воспользуется; ну, а теперь онъ великолѣпнымъ образомъ за спину Фальца спрячется—не разрѣшаютъ, скажетъ, ни мнѣ, ни ему...

На станціи кипитъ жизнь. Толпы народа ждутъ поѣздовъ, которые ходятъ рѣже рѣдкаго. Много женщинъ и дѣтей, и такъ было отрадно смотрѣть на ихъ молодыя жизни. Давно уже я не видѣлъ дѣтей и они мнѣ напомнили мою семью, моихъ дѣтокъ. Конечно, сразу же по приходѣ сюда я послалъ женѣ телеграмму:—живъ-де молъ и здоровъ.

Въ двѣнадцатомъ часу ночи къ станціи подошелъ воинскій поѣздъ, въ которомъ перевозился съ сѣвернаго фронта въ Варшаву В-скій пѣхотный полкъ. Въ полку этомъ служилъ братъ Степа и я, конечно, принялся разыскивать его среди офицеровъ. На мой вопросъ одинъ изъ нихъ ошеломилъ меня неожиданнымъ отвѣтомъ:

— Вашъ братъ состоитъ летчикомъ при штабѣ N-го корпуса.

Мнѣ некогда было разспрашивать, какимъ образомъ произошло это быстрое превращеніе Степы изъ пѣхотинца въ летчика—я узналъ, что сейчасъ онъ находится въ крѣпости Г., т. е. всего въ 20 верстахъ отсюда, и что слѣдовательно я могу проѣхать къ нему съ однимъ изъ встрѣчныхъ санитарныхъ или товарныхъ поѣздовъ. Увѣрившись, что раньше утра моя батарея не уйдетъ, я сѣлъ въ проходившій товарный поѣздъ, единственно безпокоясь, удастся ли мнѣ разыскать брата ночью въ городѣ. Относительно его

мѣстопребыванія я рѣшилъ, что онъ находится въ одной изъ гостиницъ города, т. к. со словъ его бывшихъ однополчанъ я зналъ, что онъ командированъ въ Г. по надобностямъ службы. Черезъ полъ-часа я былъ въ Г., гдѣ извозчикъ повезъ меня въ лучшую гостиницу, гдѣ, по его словамъ всѣ номера были заняты офицерами. Къ моей удачѣ оказалось, что братъ дѣйствительно тамъ, и я засталъ его въ номерѣ за письмомъ къ отцу.

Не буду говорить о радости нашей встрѣчи. Степа сообщилъ мнѣ много новостей и много интереснаго изъ своей боевой жизни. Прежде всего онъ передалъ, что Шура Бахметева, его невѣста, находится сейчасъ въ Варшавѣ въ У-комъ военномъ госпиталѣ, сестрой милосердія. По словамъ Степы, бѣдная Шурочка внѣ себя отъ страха за него, что онъ пошелъ въ воздухоплаватели. Впрочемъ, теперь онъ сумѣлъ ее нѣсколько успокоить, увѣривъ, что во время войны на землѣ, на водѣ и въ воздухѣ равно опасно. Вотъ его разсказъ, какъ онъ сдѣлался авіаторомъ: Нѣсколько разъ вызвавшись охотникомъ итти наблюдателемъ къ нашимъ летчикамъ и совершивъ такимъ образомъ рядъ полетовъ, Степа присмотрѣлся къ управленію аэропланомъ. Тогда онъ рискнулъ на довольно-таки безумный поступокъ. Воспользовавшись какъ-то приготовленнымъ къ полету аэропланомъ, онъ занялъ мѣсто пилота и пустилъ моторъ. Поднимаясь съ земли, Степа говоритъ, что единственно, что онъ зарубилъ на умъ—быть хладнокровнымъ. Взвившись на значительную высоту, Степа сдѣлалъ нѣсколько круговъ, а затѣмъ направился въ сторону нѣмецкихъ позицій, гдѣ сразу же и по-

палъ подъ обстрѣлъ. Кое-что высмотрѣвъ у непріятеля, онъ вернулся назадъ и спланировалъ на томъ мѣстѣ, откуда поднялся. Послѣ этого онъ представилъ по начальству рапортъ, съ указаніемъ мѣста, времени, высоты и проч. своего полета, а затѣмъ, послѣ выполненія какихъ-то формальностей, получилъ званіе пилота. Такимъ образомъ Степа самоучкой въ короткій срокъ добился того, къ чему всѣ идутъ постепенно и осторожно. Конечно, хвалить Степана за никчемный рискъ нельзя, но онъ доволенъ. И кто знаетъ, не правъ ли онъ, говоря, что на войнѣ риска нѣтъ, а единственно случай.

Всего Степа самостоятельно совершилъ одиннадцать полетовъ. Онъ говоритъ, что теперь вполнѣ спокоенъ и увѣренъ въ себѣ. Изъ своей новой дѣятельности Степа разсказалъ мнѣ много любопытнаго, если такъ характеризовать опасности, которыя окружаютъ каждаго изъ насъ на войнѣ. Дважды Степанъ былъ на волосокъ отъ смерти, о чемъ онъ, конечно, не сообщилъ ни отцу, ни Шурѣ. Въ первый разъ, во время его третьяго по счету самостоятельнаго полета, въ Восточной Пруссіи. Тогда, передъ самымъ наступленіемъ германцевъ въ обходъ арміи генерала Р., Степа, совмѣстно съ другими летчиками, совершалъ воздушную развѣдку, во время которой ясно разсмотрѣлъ накапливаніе германцевъ и движеніе ихъ колоннъ въ юго-восточномъ направленіи. Находясь все время въ сферѣ непріятельскаго обстрѣла и выполнивъ свою задачу, Степа думалъ было возвращаться, когда замѣтилъ, что аппаратъ его быстро снижается; моторъ переставалъ работать и наконецъ застопорилъ. Волей-неволей приходилось прибѣгнуть

къ спуску. Степа былъ уже настолько близокъ отъ земли, что различалъ физіономіи германцевъ, злорадно ожидавшихъ момента, когда его можно будетъ схватить. Въ свою очередь германцы такъ были увѣрены въ неизбѣжномъ плѣненіи брата, что прекратили по немъ стрѣльбу и со всѣхъ сторонъ сбѣгались къ мѣсту его спуска. Въ этотъ моментъ порывомъ вѣтра аппаратъ сильно бросило и накренило и вслѣдъ затѣмъ заработалъ моторъ. Не растерявшись, Степа выравнялъ аппаратъ, взялъ руль высоты и подъ свирѣпые крики солдатъ кайзера и стрѣльбу ихъ изъ ружей, ушелъ отъ нихъ цѣлъ и невредимъ. Насколько помню объясненія Степы, оказалось, что въ моторѣ произошло засореніе трубки, проводящей бензинъ изъ бака, и нуженъ былъ именно этотъ спасительный порывъ вѣтра, который далъ толчокъ струѣ, послѣ чего моторъ и заработалъ.

Второй изъ разсказанныхъ Степой эпизодовъ не менѣе интересенъ. Случилось такъ, что при отходѣ нашей арміи изъ предѣловъ Пруссіи, Степа со взводомъ солдатъ оказался съ трехъ сторонъ окруженнымъ нѣмцами. Онъ находился при охранѣ обоза авіаціоннаго парка и, давая тому уйти, задержался, принявъ ударъ на себя. Позади Степы находилось болото, куда нѣмцы и стали его загонять.

Предстояло либо сдаваться, либо тонуть. Наши предпочли послѣднее. Темнѣло. Взводъ Степы, разстрѣлявъ всѣ патроны, находился по колѣно въ болотѣ и нѣмцы били людей на выборъ. Тогда наши прибѣгли къ послѣднему отчаянному средству. Снявъ съ себя одежду и сапоги, солдаты вытянулись гуськомъ и поплыли по жидкой грязи, облегчая другъ

другу борьбу съ засасывавшей ихъ трясиной. «Спастись было нельзя», разсказывалъ братъ, «но, видно, Богу угодно было наше дѣло. Мы барахтались въ болотѣ нѣсколько часовъ кряду и, когда уже окончательно выбились изъ силъ, вдругъ ощутили подъ собой твердую почву. По грудь въ грязи, проблуждавъ цѣлую ночь, къ утру мы выбрались въ лѣсъ, а тамъ вскорѣ и на шоссейную дорогу, по которой тянулся обозъ одной изъ нашихъ частей. Мы были спасены».

Съ братомъ я провелъ два часа, отправившись изъ гостиницы на станцію, чтобы своевременно сѣсть на одинъ изъ слѣдовавшихъ въ К. поѣздовъ. Много о чемъ мы успѣли съ нимъ переговорить, но еще больше, конечно, осталось невысказаннаго. Но и за эту короткую встрѣчу съ близкимъ мнѣ человѣкомъ, съ которымъ, быть можетъ, мнѣ не придется уже свидѣться, я благодарю Бога. Размышляя о будущемъ, оба мы съ Степой пришли къ одному выводу, къ одному желанію—послѣ войны, если только уцѣлѣемъ, выйти въ отставку, поселиться съ отцомъ въ своей деревушкѣ и мирно заняться хозяйствомъ. Для Степы это, впрочемъ, трудно выполнимо, но мнѣ, если пройдетъ мое представленіе въ полковники, будетъ на что жить. Братъ вполнѣ одобряетъ мое намѣреніе. Мечты, мечты! .

. .

. .

. .

Вернувшись въ К., засталъ батарею на мѣстѣ и все въ порядкѣ. Прошло утро, потомъ прошелъ день и уже вечерѣетъ, а мы все стоимъ и неизвѣстно, когда же наконецъ двинемся.

Совсѣмъ неожиданно принесли сейчасъ изъ дома телеграмму. Умница Сонечка, получивъ посланную мною отсюда телеграмму, рѣшила, что, можетъ быть, я задержусь, и дала отвѣтную. Благодареніе Богу, дома все благополучно и какъ пріятно знать, что телеграмма подана Сонечкой всего три часа тому назадъ. Словно нитка какая-то натянулась, и я вижу ихъ всѣхъ...

7 ч. веч. При крикахъ «ура» солдатъ батареи поѣздъ тронулся. Глупый «Жукъ» опять чуть было не пропалъ; едва разыскали его во дворѣ станціи. Укладываемся спать, такъ какъ при хорошемъ ходѣ можемъ прійти въ Варшаву черезъ 6—7 часовъ, а тамъ, кто знаетъ, какая предстоитъ работа. Пассажиры послѣдняго встрѣченнаго нами поѣзда говорили, будто бой идетъ всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города. Конечно, всѣмъ разсказамъ перепуганныхъ бѣженцевъ вѣрить нельзя, но дыма безъ огня не бываетъ. Быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ завтра бой.

2 часа ночи, 4-го октября.

Стоимъ въ Бѣлостокѣ. Сейчасъ всей семьей ужинали. Видѣли санитарный поѣздъ съ ранеными подъ Варшавой. Говорятъ, что вчера сраженіе шло верстахъ въ 15 отъ города, и наши отступаютъ. Скорѣй бы прійти. Негодяи германцы обстрѣливали поѣздъ за Варшавой бомбами съ аэроплановъ, не обращая вниманія на выброшенные флаги Краснаго Креста. Передаютъ, что они бросаютъ бомбы и на улицы города и среди варшавянъ, женщинъ и дѣтей, есть жертвы. Здѣсь на станціи содомъ и гоморра. Толпы бѣженцевъ ожидаютъ поѣздовъ.

7 ч. утра. Выгрузились въ Прагѣ. Слышна безпрерывная глухая кононада. 2-я и 3-я батареи дивизіона здѣсь. Стрѣлки ушли часъ тому назадъ. Мы предупреждены, что, пройдя городъ, вступимъ въ бой.

4-го октября.

Бьемся въ девяти верстахъ отъ Варшавы.

5-го октября.

Вторые сутки продолжается встрѣчный бой. Послѣдовательно занимали деревни О-чъ, З-лу-ки, станцію Р-инъ. Сейчасъ опять отошли къ З-лу-камъ.

7 ч. веч. Контуженъ и выбылъ изъ строя поручикъ Рюминъ. Приказъ отступить къ О-чу.

Приказъ отмѣненъ. Опять впереди рукопашный бой. Стрѣлки заняли Р-инъ. Перешелъ на новую позицію.

6-го октября.

Кряду четыре часа, что германцы не ведутъ атакъ. Переходятъ къ оборонѣ или готовятъ новый ударъ. .

. .

. .

6 ч. веч. Слава Богу, подошли К-скій, и П-скій пѣхотные полки. Ведемъ подготовку къ атакѣ.

7 ч. веч. Наши перешли въ рѣшительное наступленіе.

9 ч. веч. Отбросили германцевъ къ дер. Фа-ты.

Ночью. Передаютъ, что нѣмцы обойдены кавалеріей съ сѣвера.

7-го октября, на разсвѣтѣ.

Непріятель оставилъ свои позиціи и въ окопахъ— раненыхъ, оружіе, амуницію.

9 ч. утра. Мимо прошла вдогонку за германцами конница.

Варшава спасена.

8-го октября.

Прошли слѣдомъ за нѣмцами 65 верстъ. Приходится итти съ задержками, стороной отъ шоссе, которое все испорчено, перерыто, забросано гвоздями и колючей проволокой; мосты взорваны.

Остановились въ гор. Г-ойцы. Пропустили впередъ 2-ой и 3-ій дивизіоны бригады и остальные полки корпуса. Сейчасъ провели въ тылъ большую партію плѣнныхъ.

9-го октября.

Получено сообщеніе, что германцы настигнуты. Идемъ дальше.

Только что видѣли отбитыхъ казаками нашихъ плѣнныхъ. Большинство ранены. Несчастные говорятъ, что нѣмцы обращались съ ними хуже, чѣмъ съ лошадьми. Двое сутокъ не давали ни пить, ни ѣсть. Когда германцы поили лошадей и наши протягивали руки къ ведрамъ, моля дать глотокъ воды, тѣ били ихъ, раненыхъ, прикладами. Одинъ изъ офицеровъ выхватилъ у нѣмецкаго часового ружье и ударомъ штыка умертвилъ себя. Безъ слезъ нельзя слушать разсказы освобожденныхъ. Страшна будетъ наша месть германцамъ.

7 ч. веч. Остановлены. Приказано занять позицію и открыть огонь по дер. Бро-вецъ.

Бой распространился на большой фронтъ и идетъ за обладаніе городомъ Н-М., занятымъ противникомъ.

10-го октября.

Бр-овецъ нашъ. Повидимому, сраженіе завязалось съ настигнутыми главными силами противника.

12-го октября.

Второй день всѣ наши атаки нѣмцами отбиты.

13-го октября.

Нѣмцы отброшены къ юго-западу, къ дер. Г-оль.

14-го октября.

Обходимъ гор. Н-М., занятый непріятелемъ, съ юга. Захватили сильныя позиціи у дер. Б-овецъ.

5 ч. дня. Убитъ капитанъ Я-ковъ.

15-го октября.

Послѣ пятидневнаго боя германцы опрокинуты. Мы вошли въ разрушенный Н-М.

17-го октября.

Вчера спали. Теперь находимся въ г. О., въ 40 верстахъ къ западу отъ Н-М.

18-го октября.

Идемъ къ границамъ Германіи.

19-го октября.

Прошли губернскій городъ П, откуда третьяго дня нѣмцевъ выгнала кавалерія. Всюду польское население радостно встрѣчаетъ насъ. Направляемся въ Ка-ньскъ.

20-го октября.

Вернули въ П.

21-го октября.

Стоимъ на отдыхѣ въ пяти верстахъ отъ города, въ имѣніи.

22-го октября.

Сообщено изъ П., гдѣ стоитъ штабъ и остальныя части бригады, что вчера послѣдовалъ Высочайшій Государя Императора манифестъ съ объявленіемъ войны Турціи. Еще однимъ врагомъ стало у насъ больше. Очевидно, турки сосредоточатъ все, что они имѣютъ на Кавказскомъ фронтѣ, съ цѣлью облегчить положеніе австро-германцевъ и отвлечь наши войска съ главнаго театра. И все же мы всѣ довольны. По крайней мѣрѣ всѣ спорные вопросы будутъ рѣшены однимъ махомъ и Россія отдохнетъ; если не мы, то наши дѣти.

23-го октября.

Пользуюсь отдыхомъ, чтобы продолжить дневникъ и возстановить въ памяти все пережитое за минувшій мѣсяцъ. Попытаюсь держаться хронологическаго порядка.

Находимся мы сейчасъ въ имѣніи «Радоница», у польскаго помѣщика г-на Парембскаго. Можетъ быть простоимъ тутъ еще дня два-три. Германцы изъ-подъ

нашихъ ударовъ ушли, а у насъ и люди и лошади нуждаются въ отдыхѣ.

Прежде всего о хозяевахъ. Ихъ сынъ, офицеръ В-скаго пѣхотнаго полка убитъ въ первыхъ бояхъ въ Галиціи. Домъ хозяевъ сожженъ. Все мало-мальски цѣнное имущество германцами похищено. Мы помѣщены, несмотря на всѣ отговорки, въ рабочей избѣ, одну комнату которой занялъ хозяинъ съ своей семьей, а другую отдалъ офицерамъ моей батареи. Дочери г-на Парембскаго провели нѣсколько дней въ подвалѣ избы, прячась отъ нѣмцевъ. И это не напрасно: по словамъ хозяина, германскій отрядъ, зашедшій при отступленіи къ нему въ помѣстье, неистовствовалъ и солдаты и офицеры не оставили въ покоѣ ни одной женщины.

Старшая дочь Парембскаго, 18-лѣтняя Ванда, изумительная красавица. И тутъ я скажу объ одномъ изъ самыхъ, быть можетъ, потрясающихъ моментовъ войны, о томъ, что болѣе всего взволновало и поразило всѣхъ насъ, привыкнувшихъ ничему не ужасаться. Намъ передали объ этомъ стоявшіе до насъ у Парембскихъ казаки, выбившіе полусотней изъ имѣнія эскадронъ нѣмецкихъ драгунъ. Они сказали, что дочь Парембскаго, выйдя изъ своего заключенія на свѣтъ Божій, при видѣ ихъ съ рыданіями бросилась къ первому изъ нихъ и поцѣловала покрытый грязью казацкій сапогъ. Такія вещи чувствуются больно и отрадно. Война, защита родины, близкихъ, женъ нашихъ и дочерей...

Война войной, а сегодня я замѣтилъ, что между Вандой и моимъ младшимъ, славнымъ товарищемъ, прапорщикомъ Крестьяниновымъ, что-то затѣвается.

Выйдетъ ли у нихъ что-нибудь серьезное, или они разойдутся, чтобы никогда больше не встрѣтиться, сказать трудно. Три дня промелькнутъ быстро и это такой короткій срокъ. Но чувства, развѣ они подчиняются какимъ бы то не было законамъ?

За весь прошедшій мѣсяцъ я только и смогъ послать женѣ три открытки (одну вчера), да телеграмму, переданную мною Науменко послѣ боевъ подъ Варшавой. Съ тѣхъ поръ я Науменко не видалъ. Гдѣ и съ кѣмъ онъ блуждаетъ и какъ найдетъ меня? Вѣроятно, опять примазался къ какой-нибудь части и закололъ пару нѣмцевъ, а можетъ быть его и въ живыхъ нѣтъ. Бравый солдатъ. Впрочемъ, въ этой войнѣ всѣ равны. Сколько товарищей съ ранами и контузіями остались или вернулись въ строй. Всѣ проникнуты мыслью, что личная жизнь ничто. . .

. .

. .

. .

. .

Особенно холодно было въ бояхъ подъ Н-М. Теперь разскажу о нихъ. По высадкѣ въ предмѣстьѣ Варшавы, Прагѣ, изъ вагоновъ, намъ объявили, что мы идемъ въ бой.

На площади у вокзала насъ ждали выстроенныя 2-ая и 3-ья батареи дивизіона. Помню, мнѣ тогда же пришло на умъ, что я напрасно винилъ желѣзныя дороги, заставившія насъ маленькое разстояніе итти цѣлыхъ четыре дня. Въ самомъ дѣлѣ, въ четыре дня оказалось переброшенной въ итогѣ крупная воинская часть—около десяти тысячъ человѣкъ, полъ тысячи лошадей, орудія, обозъ и проч. Само собой разумѣется,

помимо нашей бригады, за тотъ же срокъ, тѣ же желѣзныя дороги подвезли къ Варшавѣ и другія войска, между которыми мы небольшая часть. Впрочемъ, я и не имѣлъ въ виду винить желѣзнодорожные порядки, а указывалъ на малое развитіе стратегическихъ путей въ приграничной съ нѣмцами полосѣ, что такъ тяжело отражается на нашихъ операціяхъ и въ чемъ германцы имѣютъ колоссальное преимущество. . . .

. .
. .
. .
. .
. .

11 ч. веч. Два дня назадъ былъ въ бояхъ и такъ цѣлыхъ три недѣли, а сейчасъ пилъ чай въ семейной обстановкѣ, съ нашими милыми хозяевами Парембскими и даже игралъ въ винтъ. Проигралъ два рубля, встряхнулся и ожилъ. Перечелъ написанное съ утра и вижу, что написалъ вовсе не то, что хотѣлъ и что можетъ быть интереснымъ въ будущемъ. Хотѣлъ говорить о войнѣ, но, видимо, другія чувства сильнѣе и прежде всего желаніе забыться и все забыть: смерть тысячъ людей, стоны и проклятія, потоки крови, оторванныя головы и руки—кошмаръ, который хотѣлось бы скорѣе пережить. А что впереди? Но, буду говорить о прошломъ.

Выше я уже писалъ, что по высадкѣ въ Прагѣ, мы ясно услышали пушечную пальбу—ее не заглушалъ шумъ города. Нашъ дивизіонъ двинулся на рысяхъ, имѣя приказаніе пройти городъ и выйти на М-ское шоссе. Несмотря на ранній часъ утра, улицы предмѣстья и города были полны народа, встрево-

женнаго и напуганнаго близостью начавшагося сраженія. Но хотя всѣ эти безконечныя толпы людей, шпалерами стоявшія на панеляхъ, мужчины, женщины и дѣти, жили каждый своей личной, вдругъ потревоженной жизнью, при нашемъ проходѣ они, казалось, забыли о себѣ и слились въ одномъ общемъ чувствѣ—они посылали намъ привѣтъ и благословенія. Мы шли при восторженныхъ кликахъ и пѣніи гимна и путь нашъ во многихъ мѣстахъ устилали ковромъ изъ живыхъ цвѣтовъ. И право, въ глазахъ солдатъ я видѣлъ предательски выступавшія слезы.— «Ваше-скородіе, теперь и умирать ни-почемъ», говорили тѣ, которые были ближе. И общее рѣшеніе у насъ было—Варшавы не отдадимъ.

Мы быстро прошли предмѣстье и городъ и вышли на шоссе. По нему безпрерывной лентой тянулись въ Варшаву бѣженцы, уходившія отъ германскихъ ордъ. Эти бѣженцы затрудняли наше движеніе, но мы не могли считаться съ ними и отъ заставы пошли маршъ-маршемъ. Мы не могли смотрѣть на тѣхъ, кто попадался намъ на пути — каждая минута была дорога, врагъ былъ близокъ, Варшава должна была быть спасена.

Въ пяти верстахъ отъ города мы обогнали стрѣлковъ, проводившихъ насъ громовымъ «ура», на мгновеніе заглушившимъ шумъ близкой битвы. Стрѣлки шли весело и, какъ мы, рвались въ бой, на помощь изнемогавшимъ товарищамъ. Потомъ намъ стало извѣстно, что наша бригада усилила неполный N-й армейскій корпусъ, выдерживавшій нѣсколько дней натискъ нѣсколькихъ германскихъ дивизій. Наканунѣ нѣмцы отбросили нашихъ на одиннадцать верстъ и

теперь бой шелъ на новой позиціи, всего въ 9 верстахъ отъ Варшавы.

Первая позиція, занятая моей и 2-й батареей, пришлась у деревни О-чъ, въ полуверстѣ отъ шоссе; 3-я батарея расположилась лѣвѣе. Нѣмцы, направлявшіе ураганный огонь противъ находившагося впереди насъ В-скаго полка, едва мы послали имъ первую очередь, оставили пѣхоту и принялись нащупывать наши орудія. Завязался артиллерійскій поединокъ, во время котораго въ порѣдѣвшіе ряды В-скаго полка влились наши стрѣлки, сразу же перешедшія въ атаку. Эта атака отличалась наибольшимъ упорствомъ и длительностью изъ всѣхъ, которыя были за время боевъ. Чтобы судить объ ожесточеніи нашихъ солдатъ, желавшихъ во что бы то ни стало остановить противника у самаго порога Варшавы, приведу слѣдующій, разсказанный мнѣ однимъ изъ стрѣлковыхъ офицеровъ, эпизодъ. Онъ бѣжалъ во главѣ роты на окопы германцевъ; тѣ стрѣляли по ротѣ бѣглымъ огнемъ, вырывая рядъ за рядомъ. Когда же наши приблизились на нѣсколько шаговъ, нѣмцы неожиданно побросали оружіе и подняли вверхъ руки. Рядомъ бѣжавшій съ офицеромъ стрѣлокъ какъ бы въ недоумѣніи остановился и замахнулся ружьемъ надъ стоявшимъ передъ нимъ на колѣняхъ нѣмцемъ. — «А-а с..... с...» — вырвалось у него съ какимъ-то стономъ ругательство:—«сдаваться теперь хочишь? Стрѣлялъ, стрѣлялъ, а какъ дорвались до тебя, ты и драться не хочешь? Врешь, нѣмецъ, дерись... бери ружье и дерись». И, принудивъ нѣмца биться съ нимъ одинъ на одинъ, нашъ сол-

детъ двумя ударами вышибъ изъ рукъ врага ружье и раскроилъ ему прикладомъ голову...

Благодаря атакѣ стрѣлковъ не только было пріостановлено дальнѣйшее продвиженіе германцевъ, но они сразу же оказались отброшенными на три версты къ юго-западу, къ деревнѣ З-лу-камъ.

Однако, для выигрыша этого пространства потребовался рукопашный бой, продолжавшійся $^{3}/_{4}$ часа. Къ вечеру новой контръ-атакой нѣмцы вынудили насъ опять отойти къ дер. О-чъ, при чемъ при отходѣ стрѣлки понесли большія потери. Всю ночь происходила безпрерывная канонада и попытки нѣмцевъ и нашихъ сбить противную сторону. Вообще бои подъ Варшавой все время носили встрѣчный характеръ, атаки смѣнялись контръ-атаками и дѣло не разъ доходило до рукопашныхъ схватокъ. Здѣсь столкнулись двѣ живыхъ силы, изъ которыхъ каждая искала другую, стараясь ее уничтожить.

На слѣдующій день рѣшительнымъ штурмомъ наша бригада опять отбросила противника отъ О-чъ, затѣмъ заняла дер. З-лу-ки и станцію Р-инъ. Нѣмцы подались къ западу, перешли рѣчку и залегли на берегу ея, на заранѣе приготовленной ими позиціи. Вслѣдъ затѣмъ сраженіе достигло высшаго напряженія и, судя по усилившейся со стороны германцевъ бомбардировкѣ, къ нимъ подошли свѣжія части. Огонь нѣмцевъ былъ настолько силенъ, что наши опять отошли къ З-лу-камъ, а къ вечеру было отдано приказаніе отступить за дер. О-чъ, т. е. въ третій разъ она должна была перейти въ руки противника. Собственно говоря, бой шелъ уже не за обладаніе деревней, разрушенной и сожженой, а за клочокъ земли,

не имѣвшей, вѣроятно, ни для насъ, ни для германцевъ большого стратегическаго значенія. Но всѣми чувствовалось, что тотъ, кто закрѣпитъ за собою эти политыя кровью мѣста, тотъ и останется побѣдителемъ.

Не успѣли мы выполнить послѣдняго распоряженія, какъ послѣдовало новое — оставаться на мѣстѣ и усилить огонь по нѣмецкимъ батареямъ. Вслѣдъ затѣмъ по сосѣдству съ нами занялъ позицію дивизіонъ N-ой артиллерійской бригады и мы узнали, что наши славные стрѣлки стремительнымъ ударомъ опять заняли станцію и вторично отбросили германцевъ за рѣку. Къ ночи наши батареи продвинулись впередъ. Страшное зрѣлище представляло собой поле битвы и тѣ мѣста, гдѣ шли рукопашныя схватки. Груды тѣлъ нашихъ и непріятельскихъ лежали неубранными. Все поле стонало, но стоны раненыхъ заглушались шумомъ неумолкавшей битвы. Взошла луна и при свѣтѣ ея замелькали бѣлыя фигуры санитаровъ и сестеръ милосердія, этихъ воистину Христовыхъ невѣстъ. Но хотя бой перенесся на новый участокъ, нѣмцы продолжали обстрѣливать тѣ мѣста, гдѣ наши творили дѣло милосердія, не отказывая въ немъ и врагамъ. Нѣмцы стрѣляли по раненымъ, сестрамъ и санитарамъ и фурамъ Краснаго Креста.

Передъ полуднемъ слѣдующаго дня германцы предприняли послѣднюю свою атаку. Впереди атакующихъ цѣпей они пустили два блиндированныхъ автомобиля, открывшихъ огонь изъ пулеметовъ. Удачнымъ выстрѣломъ одного изъ моихъ орудій, головной автомобиль былъ разрушенъ, послѣ чего бѣжалъ и слѣдующій, а противникъ, не дойдя до позицій

стрѣлковъ, разсѣялся. Затѣмъ, въ продолженіе четырехъ часовъ германцы бездѣйствовали, ведя только артиллерійскій огонь. Въ 6 часовъ вечера подошли къ стрѣлкамъ К-скій и П-скій пѣхотные полки и, послѣ усиленной артиллерійской подготовки, наши перешли въ рѣшительное наступленіе. Къ 10 часамъ нѣмцы были отброшены къ деревнѣ Фа-тамъ и мы вплотную подошли къ рѣкѣ. Въ теченіе ночи противникъ не безпокоилъ и въ первый разъ за эти дни артиллерійскій огонь замеръ. Уставшія и потрепанныя, обѣ стороны какъ бы собирались съ новыми силами, чтобы съ разсвѣтомъ вступить въ новый бой. Но настроеніе въ нашихъ войскахъ было приподнятое и увѣренное. Чувствовалось, что кризисъ сраженія миновалъ и что онъ закончился въ нашу пользу. А тутъ пришло сообщеніе, что на сѣверѣ нѣмцы обойдены конницей. Едва забрезжилъ разсвѣтъ, наши развѣдчики донесли, что вся германская масса отхлынула. Дѣйствительно, перейдя рѣчку, мы заняли оставленные нѣмцами окопы, составлявшіе здѣсь ихъ главную позицію. Въ окопахъ лежало много мертвыхъ тѣлъ и большое число оставленныхъ ушедшимъ противникомъ раненыхъ. По всему видно было, что отступленіе совершалось непріятелемъ крайне поспѣшно; вездѣ валялось брошенное оружіе, амуниція, снаряженіе, патроны... Въ сущности говоря, дѣйствовавшія противъ насъ непріятельскія части пораженія не потерпѣли, но ихъ отходъ находился въ прямой зависимости отъ общей стратегической обстановки, сложившейся для германцевъ, въ результатѣ Варшавскихъ боевъ, крайне неблагопріятно. На позиціяхъ у себя нѣмцы успѣли построить землянки, въ которыхъ,

вѣроятно, предполагали долго жить. Тамъ мы нашли, отобранныя у мѣстныхъ жителей, матрацы и подушки, кровати и одѣяла, даже зеркала, а въ одной изъ землянокъ — украденный нѣмцами рояль, на которомъ, можетъ быть накунунѣ, кто-нибудь изъ нихъ игралъ ихъ сатанинскій маршъ. Къ девяти часамъ утра, когда, подобравшись, мы должны были выступать вслѣдъ за ушедшимъ противникомъ, по шоссе на рысяхъ прошло нѣсколько полковъ нашей кавалеріи. Вслѣдъ за ней тронулись и мы. Но настигнуть германцевъ, заставить ихъ продолжить бой и нанести дѣйствительное пораженіе было задачей неимовѣрно трудной. Я уже говорилъ, что, отступая, нѣмцы весьма искусно портятъ за собою путь. То же было и при отходѣ ихъ изъ-подъ Варшавы. Все шоссе они перерыли въ шахматномъ порядкѣ ямами, повзрывали мосты и вывезли всѣ продовольственные запасы жителей разореннаго ими края. Такимъ образомъ всѣ наши части были связаны обозами и не могли отъ нихъ уйти. Дожди затрудняли и безъ того тяжелое движеніе по грунту. Тѣмъ не менѣе наша конница дѣлала, что могла, и намъ навстрѣчу то и дѣло попадались небольшія партіи плѣнныхъ, которыхъ гнали казаки, и отбитые у непріятеля пушки, обозы и зарядные ящики. Почти безостановочно мы шли двое съ половиной сутокъ, когда намъ сообщили, что наша конница вынудила германцевъ къ бою.

10-го октября началось новое пяти-дневное кровопролитное сраженіе на фронтѣ свыше сорока верстъ.

Часъ ночи. Товарищи спятъ. Нѣтъ только Крестьянинова, но я слышу шопотъ на скамьѣ, подъ окномъ. Молодость, молодость, всегда и вездѣ она одинакова.

24-го октября.

Сегодня сдѣлалъ въ компаніи съ Станиславомъ Осиповичемъ Парембскимъ, его дочерью и Крестьяниновымъ большую прогулку по окрестностямъ. Грустная прогулка. Все кругомъ разорено и сожжено. Богатый край сдѣлался нищимъ. Есть невинныя жертвы. Жаль Польши. На эту тему между мной и Парембскимъ шелъ длинный разговоръ. Несомнѣнно, положеніе поляковъ особенно тяжелое—половина ихъ въ Австріи и Германіи и тѣмъ приходится съ оружіемъ въ рукахъ биться съ своими братьями изъ русской Польши. Но мнѣ кажется, что настоящая война разрѣшаетъ вопросъ не только о великодержавіи Россіи и Германіи, но и о свободномъ развитіи всѣхъ славянъ. Въ такомъ случаѣ для поляковъ не можетъ быть выбора. Если эта война не національностей, а племенъ, двухъ міровъ—славянскаго и германскаго, кто же станетъ считать жертвы? Велики страданія Польши, но моря русской крови затопятъ ихъ.

Заношу нѣсколько эпизодовъ изъ сраженія у Н-М. Тамъ въ послѣдній часъ пятидневнаго боя былъ убитъ штабсъ-капитанъ Я-ковъ. Для меня смерть товарища особенно знаменательна. Произошла она при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Замѣтивъ съ своего наблюдательнаго поста, что въ результатѣ совершеннаго нами обхода Н-М. съ юга, наши батареи, въ случаѣ выдвиженія вправо, могутъ обстрѣливать шоссе и бить

по германскимъ резервамъ, я рѣшилъ доложить объ этомъ командиру дивизіона. Поставивъ на свое мѣсто шт.-кап. Я-кова, я отправился въ штабъ бригады. Мое донесеніе было выслушано и принято (лично командиромъ бригады) и, кажется, сыграло не малую роль въ быстромъ затѣмъ оставленіи германцами ихъ позиціи. Вернувшись назадъ, я не засталъ уже своего товарища въ живыхъ. Отъ него не осталось и слѣда. Нашли только вырванную, залитую кровью грудь шинели. Вѣковое дерево, въ вѣтвяхъ котораго находилась наблюдательная вышка, было расщеплено и обуглено: въ него угодилъ чудовищный «чемоданъ». Такимъ образомъ оставайся я эти 15 минутъ на мѣстѣ, не было бы меня... На мѣстѣ смерти убитаго товарища мы водрузили крестъ и отслужили потомъ панихиду.

Говоря о сраженіи у Н-М., лишній разъ приходится убѣдиться, какую роль могутъ играть въ развитіи событій отдѣльные и зачастую совсѣмъ маленькіе люди. Казалось бы, на сорока-верстномъ, впослѣдствіи еще болѣе удлинившемся фронтѣ, гдѣ столкнулись многотысячныя массы, жизнь одного подпоручика имѣетъ очень маленькое значеніе, а между тѣмъ отъ жизни этого подпоручика иногда зависитъ если не исходъ сраженія, то во всякомъ случаѣ спасеніе или гибель многихъ сотенъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, если бы нѣмцамъ удался задуманный ими у Н-М. прорывъ въ расположеніи нашей бригады, кто знаетъ не пришлось ли бы тогда всей нашей арміи отходить назадъ. А отходъ назадъ гораздо болѣе сложный маневръ, чѣмъ наступленіе, не говоря о томъ, что, предпринятый вслѣдствіе прорыва, онъ грозитъ большими

потерями. Между тѣмъ намѣченный нѣмцами прорывъ былъ избѣгнутъ исключительно благодаря доблести подпоручика Ку-ва, начальника нулеметной команды нашего 1-го полка. Обстоятельства, какъ о нихъ передавалъ мнѣ самъ виновникъ, были таковы. Правѣе нашей бригады въ сраженіи у Н-М. находилась дивизія N-го армейскаго корпуса. Въ промежуткѣ было болото, покрытое мелколѣсьемъ, черезъ которое проходила къ нѣмецкимъ позиціямъ совершенно размытая дождями проселочная дорога. Болото это нами не было занято (кромѣ связи), да его и нельзя было занять сколько-нибудь значительными силами, такъ какъ всю эту площадь германцы засыпали градомъ снарядовъ. Приходилось предполагать, что они имѣли въ виду спрятанныя у насъ въ лѣсу резервы, по которымъ и били. На самомъ же дѣлѣ они рѣшили совершить прорывъ именно на этомъ неудобномъ для атаки участкѣ.

14-го числа днемъ подпоручикъ Ку-въ получилъ приказъ явиться къ командующему сосѣдней дивизіей и доложить ему, что имъ получено распоряженіе занять со взводомъ пулеметовъ дорогу на болотѣ.

— Разумно. Лѣсъ на лѣвомъ участкѣ меня безпокоилъ. Ступайте и дѣлайте такъ, какъ лучше,— отвѣтилъ командиръ дивизіи, послѣ чего Ку-въ пробрался съ пулеметчиками къ самой опушкѣ лѣса и тамъ залегъ. Открывать огонь было не по кому, и пулеметчики бездѣйствовали. Такъ прошло часа 3—4 времени. Вскорѣ затѣмъ подпоручикъ Ку-въ замѣтилъ какое-то движеніе въ нашихъ окопахъ. Въ то же время, благодаря усилившемуся до невозможности оставаться на мѣстѣ огню нѣмцевъ, внезапно затѣмъ

оборвавшемуся, Ку-въ рѣшилъ, что нѣмцы двинулись на его участокъ въ атаку. Онъ объ этомъ только догадывался, такъ какъ впереди лежащую мѣстность могъ наблюдать не больше какъ на 600—700 шаговъ: дальше германскія позиціи скрывались за возвышенностью. Обезпокоенный, что ему не высылаютъ прикрытія, Ку-въ послалъ отъ себя развѣдчиковъ къ флангамъ. Минутъ черезъ 20 тѣ донесли, что и справа и слѣва окопы нами оставлены.

— Что вы путаете?!—прикрикнулъ на развѣдчиковъ Ку-въ, не желая волновать нижнихъ чиновъ, да и не допуская, чтобы о немъ могли забыть.

Между тѣмъ, хотя о Ку-вѣ никто не забылъ, фактически онъ былъ всѣми оставленъ. Командиръ нашей бригады вполнѣ резонно полагалъ, что Ку-въ откомандированъ въ распоряженіе командующаго сосѣдней дивизіей и что посему оттуда онъ и получаетъ всѣ приказанія, а командующій дивизіей совершенно справедливо разсуждалъ, что если Ку-ву дана его непосредственнымъ начальствомъ опредѣленная задача—занять болото, значитъ онъ и остается въ распоряженіи этого начальства, а ему сообщено только для свѣдѣнія, что болото занято пулеметной командой. Такимъ образомъ Ку-въ находился какъ бы внѣ командованія. Между тѣмъ наши части, согласно выработанному порядку, дѣйствительно очистили окопы и лежавшую позади мѣстность, съ тѣмъ, чтобы, оттянувъ, незамѣтно для непріятеля, центръ, усилить фланги и обойти противника. Ни Ку-въ, ни нѣмцы о готовившейся послѣднимъ ловушкѣ не предполагали. Многое говорило за ея успѣхъ, еслибы въ свою очередь германцы не вздумали въ это самое время про-

рвать нашъ центръ, поведя наступленіе на болото. Удайся имъ эта операція, они опережали наше окруженіе, выходили на сообщенія и тогда, кто знаетъ, что было бы.

Было семь часовъ вечера, когда Ку-въ замѣтилъ на гребнѣ возвышенности первыхъ показавшихся враговъ. Это были конные германскіе развѣдчики. Ку-въ со своимъ взводомъ притаился. Развѣдчики дошли до болота, разсыпались въ стороны и вскорѣ убѣдились, что нашихъ въ окопахъ нѣтъ. Объ этомъ они поспѣшили сообщить въ тылъ. Нашъ отходъ, очевидно, показался нѣмцамъ вполнѣ естественнымъ, послѣ развитаго ими ураганнаго огня. И вотъ противъ взвода подпоручика Ку-ва зачернѣла непріятельская масса. Нѣмцы шли въ колонномъ порядкѣ. Ихъ двигалось въ головной части 2—3 батальона, т. е. свыше двухъ тысячъ человѣкъ.

Ку-въ, убѣдясь, что онъ не можетъ ждать помощи, объявилъ солдатамъ, что имъ представляется двѣ возможности: оставить позицію, на которую они поставлены, и искать спасеніе въ безславномъ бѣгствѣ, при чемъ возможно, что германцы ихъ перестрѣляютъ или переловятъ, или—оставаться на своемъ посту и умереть героями. Наши остались. Тогда Ку-въ распорядился дѣйствовать двумя пулеметами поперекъ непріятельскихъ рядовъ, а двумя другими вдоль колонны. Подпустивъ германцевъ на двѣсти шаговъ, Ку-въ открылъ огонь, въ результатѣ чего черезъ двѣ минуты на мѣстѣ двухъ батальоновъ не осталось ни одного живаго человѣка. Образовалась груда тѣлъ, какая-то каша, гора труповъ.

Слѣдовавшія позади части германцевъ останови-

лись и отошли. Опять ихъ артиллерія начала засыпать снарядами лѣсъ. Но Ку-въ, сдѣлавъ свое дѣло, благополучно отступилъ. Онъ, конечно, и не догадывался, что дѣло его было огромное. Въ верстѣ разстоянія онъ встрѣтился съ посланными ему на выручку ротами нашихъ стрѣлковъ, которыя и сдерживали затѣмъ осторожно продвигавшагося противника. Такимъ образомъ, стремительный прорывъ нѣмцамъ не удался, за-то блестяще удался намъ обходъ Н-М. съ юга, который вынудилъ противника бросить свои позиции и отойти къ границѣ. За свой подвигъ Ку-въ представленъ къ производству въ чинъ и къ награжденію орденомъ св. Георгія. Конечно, и нижніе чины пулеметной команды будутъ награждены по заслугамъ.

Изъ отдѣльныхъ эпизодовъ сраженія при Н-М. отмѣчу поимку шпіона солдатами моей батареи. Случилось это 13-го числа, когда огонь нѣмцевъ по батареямъ нашего дивизіона отличался особенной точностью. Сколько мы ни мѣняли позицій, какъ ни маскировали орудія, германцы быстро отыскивали насъ, нанося тяжелыя потери (во 2-ой батареѣ изъ 5-ти офицеровъ выбыло 3 и 39 нижнихъ чиновъ). Несомнѣнно, кто-то указывалъ противнику наше мѣстоположеніе. Особенно встревожило насъ, когда къ вечеру, едва бой нѣсколько ослабѣлъ и моя батарея перешла на новую позицію, германцы съ необычайной точностью открыли по ней огонь. Пришлось опять уходить. Послѣ этого рѣшено было тщательно осмотрѣть тотъ участокъ, на которомъ мы были. Въ поискахъ, кромѣ нижнихъ чиновъ, приняли конечно, участіе и «Рѣпа» и «Жукъ». Гдѣ, однако, было искать? Жилья кругомъ не было, а какіе находились по бли-

зости возвышенные пункты, всѣ были на виду. Но вотъ, въ полусвѣтѣ надвигавшихся сумерекъ, солдаты замѣтили невдалекѣ отъ себя вдругъ выросшую точно изъ-подъ земли человѣческую фигуру, такъ же быстро исчезнувшую. Пошли туда и наткнулись на колодецъ. Спустили фонарь, но ничего кромѣ воды на большой глубинѣ не разсмотрѣли. Что за притча? Хотѣли уходить, да замѣтили прикрѣпленный къ срубу блокъ, а на блокѣ—веревку; потянули за нее—вытащили лѣстницу. Ну, послѣ того выпросился осмотрѣть колодецъ «Рѣпа». Едва «Рѣпу» повязали, изъ колодца голосъ послышался—проситъ, чтобъ веревку подали. Подали веревку и вытащили изъ колодца еврея. Находился онъ саженяхъ въ трехъ подъ землей, въ выбоинѣ, устроенной въ стѣнкѣ колодца. Время отъ времени еврей подымалъ по блюку лѣстницу до уровня земли, закрѣплялъ ее и по ней карабкался наверхъ. Высунувъ голову, онъ высматривалъ наши позиціи, спускался внизъ и телефонировалъ оттуда нѣмецкимъ батареямъ. И просто, и хитро. Удивительно находчивый шпіонъ. Ну, когда наши лѣстницу вытащили, шпіону ничего другого не оставалось, какъ открыться: какъ бы ему изъ колодца было выбраться? Одѣтъ былъ шпіонъ въ солдатскую форму, снятую имъ съ убитаго. Его отправили въ штабъ.

За все время боевъ это былъ первый случай поимки нами шпіона. Но многіе офицеры, съ которыми мнѣ пришлось говорить, удостовѣряли, что среди мѣстныхъ жителей они переловили значительное число занимавшихся этимъ презрѣннымъ и опаснымъ промысломъ. Является характернымъ, какъ обращаются въ иныхъ случаяхъ германцы съ лицами,

шпіонящими въ ихъ пользу. Мнѣ передавали такой случай изъ времени боевъ подъ Варшавой: надъ расположеніемъ нашихъ войскъ, кажется, 3-го октября, т. е. слѣдовательно наканунѣ нашего прихода въ Варшаву, поднялся германскій аэропланъ, державшійся все время полета на высотѣ, недоступной для обстрѣла. Цѣль летчика была не ясна, такъ какъ бомбъ онъ не металъ, а съ той высоты, гдѣ находился, могъ оріентироваться въ мѣстности только человѣкъ хорошо съ ней знакомый. Но вотъ, послѣ часа полета аэропланъ значительно снизился, описалъ послѣдній кругъ и до того, какъ наши открыли по немъ огонь, отъ апарата отдѣлилась человѣческая фигура, камнемъ падавшая на землю. Очевидно, вывалился летчикъ или наблюдатель. Но когда наши подошли къ распластанной на землѣ мертвой фигурѣ, то увидѣли, что это былъ еврей. Затѣмъ, уже изъ опроса мѣстныхъ жителей, выяснилось, что еврей этотъ изъ близъ лежавшаго мѣстечка. Онъ пошелъ продать нѣмцамъ то, что ему было извѣстно о нашихъ войскахъ (въ кошелькѣ у него были найдены 300 германскихъ марокъ); тѣ его выслушали, заплатили, а затѣмъ приказали занять мѣсто на летательномъ аппаратѣ и служить наблюдателю указчикомъ. Получивъ всѣ интересовавшія свѣдѣнія, германскій летчикъ выстрѣломъ изъ револьвера покончилъ съ шпіономъ (черепъ его былъ прострѣленъ) и тѣло его сбросилъ.

Въ связи съ вышеприведенными фактами, я остерегаюсь, однако, дѣлать какія-либо обобщенія и не могу обвинять въ шпіонствѣ всѣхъ евреевъ огульно. Но отдѣльные случаи предательства среди

нихъ, кажется, очень часты. Справедливость требуетъ, однако, сказать, что отдѣльные случаи встрѣчаются и между поляками, правда, гораздо рѣже. Большую роль въ установившемся взглядѣ на евреевъ играетъ мѣстное польское населеніе, и мнѣ лично неоднократно приходилось слышать и отъ простыхъ и отъ интеллигентныхъ людей обвиненіе евреевъ въ поголовной симпатіи ихъ къ нѣмцамъ. Трудно, конечно, въ этомъ разобраться, но, можетъ быть, однимъ изъ признаковъ, доказывающихъ справедливость этого, является то, что при приближеніи германцевъ большинство поляковъ отъ нихъ бѣжитъ, тогда какъ большинство, можно сказать, всѣ евреи остаются на мѣстахъ. Не могу себѣ представить, чтобы въ случаѣ, если бы произошло такое несчастіе и нѣмцы вошли въ наши русскія губерніи, чтобы кто-нибудь изъ русскихъ остался, а не ушелъ. Повидимому, тѣ, кто остается, одинаково «дружелюбно» или безразлично относятся и къ намъ и къ нѣмцамъ. Впрочемъ, мы не политики. Но хорошо было бы, если бы послѣ войны наши «политики» прежде, чѣмъ что-нибудь рѣшать, поспросили бы у насъ, что мы видѣли и пережили.

Сейчасъ война только еще начинается, сейчасъ трудно обо всемъ этомъ говорить и легко ошибиться, но пройдетъ еще полгода, и тогда все должно обнаружиться. Сейчасъ всюду мы успѣваемъ, а что если намъ будетъ плохо?

25-го октября.

Послѣ долгаго перерыва пришла почта. Получилъ нѣсколько старыхъ писемъ отъ Сонечки, но сколько

пережилъ радостныхъ минутъ. Перечелъ каждое по многу разъ. Пишетъ, что дѣтки молодцами и всѣ они, мои милые, здоровы. Къ большой горести, изъ послѣдняго письма Сонечки узналъ, что братъ ея, Коля, взятъ австрійцами въ плѣнъ. Сонечка сообщаетъ и нѣкоторыя подробности, переданныя ей въ письмѣ кѣмъ-то изъ полковыхъ товарищей Коли. Онъ былъ посланъ на развѣдку, попалъ въ какой-то деревушкѣ, гдѣ австрійцы устроили засаду, подъ обстрѣлъ, у него была убита лошадь и тогда его захватили. Бѣдный Коля. Три мѣсяца тому назадъ онъ такъ рвался на войну и уже она кончилась для него и такъ печально.

Въ томъ же письмѣ Соня извѣщаетъ, что полушубокъ и валенки купила, но ждетъ оказіи, чтобы выслать ихъ .

. .

За послѣдніе дни люди и лошади у меня отдохнули и батарея въ порядкѣ. Фальцъ, ѣздившій въ П., въ штабъ бригады, привезъ извѣстіе, что поручикъ Рюминъ раненъ легко и эвакуированъ, кажется, въ Двинскъ.

Сегодня мы всей батареей снимались. Фотографомъ былъ нашъ милѣйшій хозяинъ, сдѣлавшій рядъ снимковъ и съ офицеровъ и съ солдатъ. Но нѣтъ старыхъ товарищей

. .

26-го октября.

Поступаемъ по-военному и даже «по-Суворовски». Въ пять дней Крестьяниновъ одержалъ крупную по-

бѣду. Сегодня онъ подѣлился со мной своимъ сердечнымъ секретомъ: онъ сдѣлалъ предложенiе Вандѣ Станиславовнѣ Парембской, и она и отецъ ея предложенiе его приняли. Во-истину человѣкъ не знаетъ своей судьбы. За Крестьянинова я душевно радъ. Что касается Парембской, если она дѣйствительно выйдетъ за Крестьянинова, она получитъ въ мужья человѣка умнаго, образованнаго и честнаго. Конечно, сейчасъ у молодыхъ людей только мечты относительно будущаго—бракъ ихъ возможенъ послѣ войны.

Такого восторга, такой радости давно не испытывалъ никто изъ насъ, какiе выпали на нашу долю сегодня. Пришли подарки съ родины. Солдаты плакали. Каждый ящикъ качали на ура, потомъ бережно вскрывали и производили равный между всѣми дѣлежъ. Насъ помнятъ, наши труды оцѣниваютъ сверхъ мѣры. Если бы знали тѣ, кто насъ одарилъ, съ какимъ чувствомъ благодарности и благоговѣнiя каждый изъ насъ принималъ доставшуюся на его долю часть! Я получилъ пакетъ, въ которомъ находилось три фунта сахару, фунтъ шоколада, смѣна бѣлья, 500 штукъ папиросъ, пачка почтовой бумаги и конвертовъ, десять открытокъ и что самое дорогое—письмо, подписанное «молодая мать», безъ адреса, такъ что я и поблагодарить не могу, начинающееся словами: «Доблестный защитникъ родины». Господи, что сдѣлать намъ, чтобы оправдать и заслужить все это. Солдаты ходятъ сами не свои и всѣ мы радуемся, какъ дѣти. Только теперь въ П. пришелъ обозъ, но Науменко канулъ, какъ въ воду.

27-го октября.

Послалъ бумагу въ казармы, въ канцелярію бригады, съ официальнымъ запросомъ относительно причины отлучки подпрапорщика А-дина. Если онъ дѣйствительно, какъ пишетъ Сонечка, устроился тамъ по обученію съ призываемыми, потребую возвращенія его въ строй. Объ этомъ я говорилъ съ командиромъ дивизіона, пріѣзжавшимъ вчера изъ П. въ батарею.

Сегодня у насъ всѣмъ обществомъ шли безконечные разговоры относительно дальнѣйшаго хода войны. Въ конечномъ результатѣ ея никто не сомнѣвается, но каждый думаетъ по-своему относительно ея продолжительности и ближайшихъ цѣлей нашихъ и непріятельскихъ армій. Пойдемъ ли мы теперь въ Германію, черезъ Познань, или закрѣпимъ за собою Галицію или войдемъ въ Восточную Пруссію? Какъ бы ни было, но сейчасъ, когда нѣмцы вышли изъ-подъ нашихъ ударовъ, у насъ, очевидно, происходитъ новое сосредоточеніе. Несомнѣнно, и германцы не спятъ и вѣроятно готовятъ какой-нибудь контръ-маневръ. Польскій «выступъ» даетъ имъ многія преимущества. Думается однако, что опять на наше бездорожье они не полѣзутъ и ограничатся защитой своей территоріи. Но, чтобы сломить нѣмцевъ окончательно, потребуется еще много времени и труда. Великодержавный государственный организмъ Германіи, съ высоко развитой у ней техникой и при сознаніи каждаго нѣмца, что отечеству его грозитъ полное разрушеніе, все это заставляетъ думать, что война только еще въ началѣ, несмотря на разгромъ австрійцевъ въ Гали-

ційскихъ бояхъ и неудачи германцевъ на нашемъ и западномъ фронтѣ. Станиславъ Осиповичъ продолжаетъ, повидимому, опасаться за судьбу Варшавы. Мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ въ немъ говоритъ исключительно любовь его, какъ поляка, къ столицѣ его родины

. .

. .

. .

Въ концѣ разговора, когда офицеры разошлись и остались только хозяинъ, я, да Крестьяниновъ, послѣдній настоятельно просилъ Парембскаго по возможности скорѣй переѣхать съ семьей въ Варшаву. Я всецѣло его поддержалъ. Парембскій обѣщалъ тотчасъ послѣ нашего ухода выѣхать изъ «Радоницъ». Ванда Станиславовна въ свою очередь торопитъ отца. Бѣдняжка до сихъ поръ не можетъ забыть своего невольнаго заключенія съ сестрами въ подвалѣ. Да и что можетъ удерживать теперь Парембскихъ въ имѣніи?—оно разграблено и сожжено. По пріѣздѣ въ Варшаву, В. С. собирается поступить на курсы сестеръ милосердія. Чѣмъ болѣе я узнаю нашихъ хозяевъ, тѣмъ болѣе они мнѣ симпатичны.

Сейчасъ вызвали въ П. въ штабъ бригады.

Ночь. Отдалъ всѣ распоряженія для похода. Завтра выступаемъ на Л., т. е. въ направленіи на сѣверозападъ. По слухамъ, циркулирующимъ въ П. среди офицерства, германцы собираются на сѣверѣ, откуда якобы уже намѣтилось ихъ движеніе. Опять желѣзныя дороги! Опять техника!

28-го октября.

Раннимъ утромъ сердечно распрощались съ нашими гостепріимными хозяевами. Увижу ли я ихъ когда-нибудь? Крестьянинову разрѣшилъ остаться въ «Радоницахъ» до вечера, а затѣмъ нагнать батарею. По его же просьбѣ оставилъ солдата, который будетъ конвоировать Парембскихъ до самой Варшавы. Они уѣзжаютъ завтра, но не такъ-то легко будетъ имъ совершить это длинное путешествіе на лошадяхъ. Передалъ Вандѣ Станиславовнѣ письмо на имя Сонечки, съ просьбой опустить его въ Варшавѣ. Сейчасъ мы находимся уже въ 45 верстахъ отъ «Радоницъ», въ дер. Корчмахъ, гдѣ и заночуемъ. Батарея моя идетъ въ головѣ отряда. Льетъ дождь.

29-го октября.

Прошли городъ Л-къ, гдѣ встрѣтили массу нашихъ войскъ. Слуховъ не оберешься и сказать, который изъ нихъ правильный, невозможно. Одни увѣряютъ, что нѣмцы опять пошли къ Нѣману, другіе—будто нѣмцы перешагнули Наревъ и заходятъ намъ въ тылъ, третьи—будто мы вошли въ Восточную Пруссію и разбили тамъ на-голову три непріятельскихъ корпуса. Въ Л-кѣ видѣлъ партію плѣнныхъ, которыхъ гнали наши драгуны.

Захватила ихъ наша конница, перейдя границу у Калиша и разрушивъ тамъ желѣзнодорожный путь. Этотъ фактъ показываетъ, что если нѣмцы и задумали новое наступленіе на нашу территорію, въ свою очередь и у насъ происходитъ движеніе къ западу. Впрочемъ, не все ли равно, гдѣ драться съ гер-

манцами? Важно ихъ разбить, а этого мы достукаемся. Плѣнные нѣмцы держатся въ достаточной мѣрѣ нахально. Я слышалъ такой разговоръ одного изъ нихъ съ кап. Сы-комскимъ.

— Правда ли, что вы не берете въ плѣнъ нашихъ казаковъ, а если берете, то разстрѣливаете,—спросилъ Сы-комскій.

— Нѣтъ, неправда. Мы разстрѣливаемъ вашихъ солдатъ только тогда, когда ловимъ ихъ въ преступленіяхъ.

— Какихъ преступленіяхъ?

— Ихъ много. Могу говорить только о томъ, что самъ видѣлъ. При мнѣ были разстрѣляны трое казаковъ за то, что при вашемъ отступленіи къ Варшавѣ они сожгли сарай съ хлѣбомъ.

— Въ чемъ же тутъ преступленіе?

— Хлѣбъ жечь нельзя.

— Почему?

— Потому что это не война, а разбой.

— Ну, а вывозить хлѣбъ изъ Польши въ Германію можно? Обирать частное имущество тоже можно?

— Это можно. Нельзя жечь,—съ какимъ-то тупымъ упрямствомъ стоялъ на своемъ германецъ.

— Почему же можно было сжечь Реймскій соборъ во Франціи, храмъ Божій, чудеснѣйшее искусство?

— На Реймскомъ соборѣ былъ установленъ французами безпроволочный телеграфъ. О, объ этомъ мы хорошо знали, и тогда жечь можно.

Говорить дольше съ германцемъ было противно и безцѣльно. Психологія этого народа такова, что имъ все можно, все разрѣшено. Они предписываютъ законы, а остальные должны подчиняться имъ.

Повернули назадъ. Идемъ къ Лодзи. Только что прибылъ Крестьяниновъ, передавшій прощальный привѣтъ отъ Перембскихъ.

30-го октября.

Миновали Л-ь, гдѣ въ прошломъ мѣсяцѣ германцы хозяйничали, какъ у себя дома. Въ окрестностяхъ много опустошеній, но самый городъ не тронутъ, за исключеніемъ отдѣльныхъ зданій. Въ Л-ь стянуто много войска и кругомъ города роютъ окопы. Мы идемъ къ сѣверу. По слухамъ, верстахъ въ 25 отъ границы, наши ведутъ встрѣчный бой съ наступающими германцами.

6 ч. веч. Движеніе наше крайне медленное: впереди и позади движутся войска, а навстрѣчу валятъ толпы бѣженцевъ, первые предвѣстники близкихъ боевъ. По сторонамъ дороги биваки, горятъ костры и слышатся пѣсни. Смотришь кругомъ и точно калейдоскопъ передъ глазами.

Потянулись фуры съ ранеными. Говорятъ, будто нѣмцевъ движутся тучи, но, конечно, раненымъ можно вѣрить меньше всего. Впрочемъ, по всему видно, бой близокъ.

31-го октября.

Пришелъ Науменко. Обрадовался я солдату очень. Какъ и предполагалъ, онъ присосѣдился къ одной изъ частей и отломалъ съ нею походъ чуть не до самаго Калиша. Послѣдніе дни сидѣлъ въ Лодзи, тамъ случайно встрѣтилъ кого-то изъ солдатъ нашей бригады и приступилъ къ розыскамъ. Меня не нашелъ, но наткнулся на нашъ обозъ, при выходѣ его изъ го-

рода, и съ нимъ приплелся къ дивизіону. Вообще Науменко, повидимому, не спѣшитъ приступать къ своимъ прямымъ обязанностямъ, но у него выработалось вполнѣ оригинальное міровоззрѣніе. Главной задачей своей онъ ставитъ—вредить нѣмцамъ, а на форму онъ не обращаетъ вниманія—мнѣ ли служить, или, подобравъ ружье у убитаго, присоединиться къ незнакомой части—это для Науменко все равно. По существу онъ правъ, и было бы хорошо, если бы всѣ поступали по его примѣру. Тогда живо бы справились.

Конечно, Науменко принесъ цѣлый коробъ новостей, но теперь занятъ тѣмъ, что разыскиваетъ въ обозѣ мои вещи, которыя, кажется, пропали. Не ахти какое богатство, однако безъ бѣлья и прочаго оставаться невесело.

Сейчасъ намъ дана передышка и объявлено, что завтра вступаемъ въ бой. Написалъ Сонечкѣ письмо. Не знаю почему, но испытываю какое-то тревожное и тяжелое чувство. Кажется, насыпали мы германцамъ хорошо, а между тѣмъ рисуется, что главный бой начнется только теперь и онъ-то все и скажетъ.

1-го ноября.

Ночью слышали сильную артиллерійскую пальбу. Весь горизонтъ на сѣверѣ былъ освѣщенъ заревомъ пожаровъ. Прямо удивительно, съ какимъ упрямствомъ прутъ нѣмцы. Въ штабѣ бригады говорятъ, что они движутся на шестидесяти-верстномъ фронтѣ, между рѣками Вислой и Вартой, перебросивъ сюда всѣ корпуса, наступавшіе въ прошломъ мѣсяцѣ на

Варшаву и усиливъ ихъ частями, подвезенными съ западнаго фронта, многочисленными резервами, гарнизонами крѣпостей и тяжелыми орудіями.

Наша бригада развернута въ боевой порядокъ и мы медленно подвигаемся къ гор. Л-ецъ, гдѣ натискъ непріятеля сдерживается главнымъ образомъ кавалеріей. Движеніе противника, повидимому, концентрическое, съ обхватомъ нашихъ силъ по дугѣ, отъ Вислы до Калиша.

4 ч. дня. Вступили въ бой у дер. Борки, пріостановивъ отступленіе нашихъ частей. Дастъ Богъ, на этотъ разъ погонимъ нѣмцевъ во-всю.

2-го ноября.

Всю ночь шелъ бой. На разсвѣтѣ сильно потѣснили нѣмцевъ и сейчасъ занимаемъ ихъ вчерашнюю позицію. Стрѣлки захватили нѣсколько десятковъ германцевъ въ плѣнъ и нашли въ окопахъ много убитыхъ; это ужъ дѣло рукъ моей батареи, удачно обстрѣливавшей противника съ открытой позиціи. Божьимъ чудомъ батарея осталась безъ потерь.

Выписываю цѣликомъ въ переводѣ Сы-комскаго письмо, которое было найдено у одного изъ захваченныхъ въ плѣнъ германцевъ: «Дорогой сынъ. Давно не имѣемъ отъ тебя вѣсточки, но вѣрно лишенія, которыя ты испытываешь, мѣшаютъ тебѣ чаще вспоминать своихъ стариковъ. Храни тебя Богъ въ борьбѣ, которую ты ведешь съ своими героями-товарищами противъ русскихъ дикарей въ проклятой Польшѣ. Болѣемъ мы за тебя душой, но помни, что Богу угодны жертвы, которыя ты переносишь. Мы же съ

старухой радуемся, что можемъ отплатить хоть немного за тебя и твоихъ товарищей тѣмъ русскимъ свиньямъ, которыхъ намъ даютъ на работы. Держимъ мы ихъ въ хлѣву и всѣ твои страданія на нихъ выдавимъ. Въ послѣднюю недѣлю черезъ наше село прогнали цѣлое стадо паршиваго русскаго скота и всѣ мы были счастливы плюнуть имъ въ глаза. Будь здоровъ, нашъ дорогой мальчикъ. Мы съ старухой день и ночь молимся за тебя. Да поможетъ тебѣ Богъ въ твоей святой борьбѣ съ дикарями, которыхъ надо всячески уничтожать. Твои старики».

3-го ноября.

Убитъ «Рѣпа». Небывалое напряженіе боя.

4-го ноября.

Новая позиція на 25 верстъ къ югу. Прикрываемъ Л-ь съ сѣверо-востока. Отходить было трудно.

6-го ноября.

Все время въ бою. Очень тяжелыя условія. Сейчасъ .
. .
. .
. .
. .
. .

Д. 1961 г.
Акт Р К-3144
/9.

37.74.5.118-12
-60п

Цѣна 60 коп.

Д-60